

ГРОМОВА УЛЬЯНА

ВТОРАЯ
КНИГА

ПЯТЬ
МИЛЛИОНОВ
ДОЛЛАРОВ
ЗА
Любовь

— ДЕЛО ВСЕЙ ЖИЗНИ —

Громова Ульяна

Пять миллионов долларов за любовь. Книга II

<https://litres.ru/74227489>

Аннотация

Продолжение истории Никиты и Несси. ***

Весь мир уверен, что Никита погиб. Несси тоже. Она оплакивает любимого мужчину и пытается научиться жить без него. Но одна новость меняет всё: под сердцем она носит его ребёнка.

Никита жив. Но не имеет права открыть эту правду.

Чем дольше длится эта ложь, тем страшнее становится цена их будущей встречи. Иногда любовь требует не признаний. Иногда она требует умереть для любимого человека.

ВНИМАНИЕ! Ранее книга называлась "Дело все жизни".
Текст не изменен.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Символ пустоты, наполненной до краёв	4
Глава 1. Я сам всё это сделал с нами	5
Глава 2. Море волнуется — раз	22
Глава 3. Сила человеческого безразличия	41
Глава 4. В жизни, которой я не жил, всё оказалось не так	59
Глава 5. У каждого свои причуды	76
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Репертуарная матричная реконструкция	94
Глава 6. Сатир должен умереть	95
Конец ознакомительного фрагмента.	112

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Символ пустоты, наполненной до краёв

Начало здесь <https://litnet.com/shrt/g7Eg>

— У индейцев майя ноль — символ пустоты, наполненной до краёв... — Я скривился — и тут майя. Просто рок какой-то. — У меня пара ответов завалялись. Вопросы к ним подобрать не могу... — подтолкнул к конструктиву собеседник.

— Как пустота может быть наполнена? — хотелось разобраться в себе, и кого как не свой внутренний голос об этом спрашивать?

— Кувшин лепят из глины, но используют его пустоту; пробивают двери и окна, и только их пустота даёт свет и выход. — Манускрипты майя я бы расшифровал быстрее. — Ты изучаешь мозг, но продолжаешь сомневаться в тонких материях. В этом твой диссонанс, — добавил собеседник.

Глава 1. Я сам всё это сделал с нами

Язык — проклятие человеческое.

Он от мозга отвязан, разве вы не замечали?

Думаем — одно, а говорим — другое, разве не так?

*Ложь во благо и во спасение, ложь из милосердия,
из жалости, из любви, от мести — люди постоянно лгут
себе и другим.*

США, Нью-Йорк

Никита...

Рассветы без солнца. Ночи без звёзд. Цветы без запахов.

Я без тебя.

Без чувств. Ни боли. Ни тоски. Ни желаний.

Меня нет. Не может быть в мире, где нет тебя.

Мой Никита.

Горящие перья прекрасного «Голубя» осели пеплом. Ты ошибся. Он не обжёт — он сжёт меня дотла. Я сгорела с тобой в огне. Мы вместе осыпались пеплом.

Время застыло. Я застыла.

Никита...

Россия, Москва

Сжимал в трясущейся руке «Black Diamond» и едва удерживался.

живал разум в голове, а себя — в кресле самолёта. Меня трясло, как голого в Антарктиде, но не от холода. Я всеми фибрами души чувствовал, что с Несси творится что-то неладное. Мысленно звал свою девочку, не понимая, сам цепляюсь за неё, утопая в боли от разрыва с ней, или её не отпускаю куда-то, откуда не возвращаются. Сердце билось везде — от кончиков пальцев до вставших дыбом волос. Казалось, я и есть сердце, и бьюсь один за неё и за себя, и не биться не имею права. Страшно подумать, что случится, если успокоюсь, если меня перестанет трясти, если перестану задыхаться. Я жил сейчас за двоих — за себя и мою Несси.

Смотрел на дрожавшую руку и молился и Богу, и Кришне, и Аллаху, и Вэкэн Танке и дьяволу во всех его обличиях, лишь бы меня знобило, колотило и выворачивало наизнанку и дальше. Не понимал, что происходит, но точно знал — моя девчонка за гранью, и я — единственный, кто её удержит. И тянулся к ней всем своим существом, чувствуя, что глаза налиты слезами.

Рыкнул на подошедшую узнать, всё ли со мной хорошо, стюардессу — безумно испугался, до сжавшегося в спазме живота, что потеряю это невозможное по всем законам физики ощущение связи с моей любимой девочкой. Во рту высохло, сознание мутилось, желудок сжался в горошину, а кровь... вместо неё текла боль в чистом виде, питала каждый атом и была в виски кувалдой.

«Несси... Несси... Несси...» — шептал без усталости во внут-

ренное пространство, в эфир, цеплял зов к магнитной решётке Земли и пускал воздушным змеем в космос, в ноосферу, в виртуальную реальность...

«Несси... Несси... Несси...»

Бесновался в глухой, никому не видимой истерике, и неотвратимо осознавал — меня без Несси нет. Если с ней что-нибудь случится, если оборвётся эта нить, я просто открою дверь самолёта и шагну в бездну.

«Несси... Несси... Несси...»

Она — мой грааль. Мой дурман. Звал и не чувствовал ответа, кричал в страшную пустоту, блуждал в ней слепо и глухо, прислушиваясь к ощущениям — я и сам был пуст, исчерпан до дна.

Моя девочка не отвечала, ментальное море застыло, не давая даже мелкой ряби надежды. Мой бином будто перестал существовать. И это ввергало в липкий ужас...

Девять часов между небом и землёй тянулись дольше всей моей жизни. Лишь оторвавшись от земли и проводив взглядом останки горящего «Голубя», я понял, какую совершил ошибку. Роковую, дикую, бесчеловечную. Бил себя кулаком по колену и порывался развернуть российский лайнер, приземлить его и броситься к моей девчонке.

Плавильный котёл в душе выплёскивал огненную кислоту смешавшихся противоречивых чувств, чадил, забивая чакры, и ошпаривал мысли едким туманом. Не оставлял меня, и когда я уже слонялся по аэропорту Шереметьево, натываясь

на людей, их чемоданы и какие-то предметы.

Я знал, что будет тяжело и больно, но что вот так...

В три часа ночи идти никуда не хотелось, хотя «Центурион» обеспечил бы мне президентский номер в лучшей гостинице. Просто всё это сейчас не имело никакого значения. плевать на комфорт и всё вокруг, на все свои возможности. Я завис в безвоздушном пространстве, и единственное, что делало меня живым — этот мой личный ад. Я был уверен: чем больше мне, тем легче моей любимой девочке, моей королеве. Её образ прошивал душу золотистыми искрами ясного взгляда, я чувствовал вкус её губ и ладошку на плече, вдыхал её воображаемый аромат и трясся от сводившего с ума желания прижать её к себе и больше не отпускать.

Но всё что сделано — имеет цель. И я обязан пройти весь путь до конца. Иначе дело всей моей жизни развеется прахом. Я не индивид. Я симбиот себя самого с теми, кто из года в год тянул меня из похоти, симбиот с особой связью, сцепившей меня и Несси. Теперь я знал наверняка — она и есть то, ради чего я всё это делал, как бы дико, жестоко и бесчеловечно это ни получалось. Она — мой тотем. Тот человек, ради которого я укрощу в себе чёрного ягуара и...

...больше никогда не сорвусь.

И моему мозгу придётся подчиниться.

Никогда раньше собственная жизнь не казалась мне бесценной. Когда она принадлежала только мне, я ею не дорожил, но теперь я сшит с моей любимой девочкой, теперь кро-

воток один на двоих. Сердца — как сиамские близнецы, души — как две половинки целого. Я больше не распоряжаюсь собой, мои решения теперь напополам, мои желания теперь наполовину. Но Несси не дополняет, её просто нет. *Чужая боль не болит, чужие желания не волнуют* ... пока эта боль и желания не становятся твоими.

Я боялся признаться себе, что боль для неё оказалась слишком невыносимой, её душа не вместила, разлетелась осколками.

...Ты ведь и правда хрустальная, Несс...

И это я разбил её. Эгоист, поджавший хвост, испугавшийся боли, которая придёт когда-то. Впервые в жизни я получил шанс быть счастливым и любимым, и я отказался от него. Я не лидер. Я устал. Смертельно устал бороться. Но это не оправдывает того, что я трус.

Трус. Я даже лишить себя этой усталости не смог. Пустить пулю в висок и шагнуть с небоскрёба не сумел — внутренний голос находил причины этого не делать, порой глупые, но от этого и самые убедительные. Я цеплялся за «сначала надо на отца переписать бизнес и собственность», «ещё не доделан проект, а вдруг вот он...», «надо помыться, чтобы потом не мучились с моей бездыханной тушей...» — idiotские причины не покончить со всем немедленно. Внутренний голос тихим шёпотом перекрывал крики отчаяния. И даже попытка «шёлковой» смерти по иронии госпожи Судьбы тоже провалилась с треском трусов. Теперь я с отвращени-

ем вспоминал, как вызвал пару десятков проституток из самых завалящих борделей и трахал их без презерватива, глотая таблетки для потенции с одной лишь целью — заразиться СПИДом и сдохнуть. Никто в мире с такой надеждой, как я, не ждал, когда эта зараза прицепится. Не прицепилась.

А вот сейчас я почувствовал, что не могу сдохнуть. Лишился этого права. Вместо него появился страх. И больше всего — за мою Несси.

Проще всего купить обратный билет и упасть ей в ноги. Но...

— *Армат, всё это не мешает мне общаться с Несси?*

— *Нельзя, сэр. Ни у кого, а у неё тем более, не должно остаться сомнений, что вы погибли. Сам по себе Дарнелл Фостер — шакал. Против вас наверняка играет кто-то другой. За мисс Тенесси могут наблюдать. Она станет неинтересна и будет в безопасности, только если вы не акцентируете на ней внимание. Вы и так на пресс-конференции сказали о ней слишком много...*

— *Ты не представляешь, чего хочешь от меня... — покачал я головой и схватился за неё, запустив пальцы в волосы.*

«Механик» лишил меня возможности любого контакта с моей девочкой, даже одностороннего.

Утро встретил вместе с дождём. Стоял у входа и смотрел в небо, не чувствуя под ногами землю. Между небом и землёй.

Между похотью и любовью. Между желанием быть с Несси и уберечь её от своего общества. Эгоизм скулил о праве на пусть недолгую, но счастливую жизнь с любимой девушкой, но я ведь сам поборол минутную слабость.

Она снова оказалась сильнее, смогла прогнать меня и уйти сама.

Мой внутренний голос говорил...

Чёрт. Быстрым шагом вернулся в здание аэропорта и купил сим-карту. Легко запоминавшийся номер — 8 919 999 0000 — обнулил сомнения.

— Утра, внутренний голос, — хмуро бросил в динамик.

— Четыре ноля? Символично, — ответил Максим.

— В чём смысл? — не понял.

Для меня ноль — это я сейчас. Полное ничто и никто. Пустая оболочка с фаршем незримых и невесомых, но уничтожающих меня проблем. Человек без друзей, дома и понимания, что делать дальше, как жить, и — главное и самое важное — как не отпустить агонию.

— У индейцев майя ноль — символ пустоты, наполненной до краёв... — Я скривился — и тут майя. Просто рок какой-то. — У меня пара ответов завалялись. Вопросы к ним подобрать не могу... — подтолкнул к конструктиву собеседник.

— Как пустота может быть наполнена? — хотелось разобраться в себе, и кого как не свой внутренний голос об этом спрашивать?

— Кувшин лепят из глины, но используют его пустоту; пробивают двери и окна, и только их пустота даёт свет и выход. — Манускрипты майя я бы расшифровал быстрее. — Ты изучаешь мозг, но продолжаешь сомневаться в тонких материях. В этом твой диссонанс, — добавил собеседник.

Дверь в пустоту надо было прорубать, а я бился о стены снаружи, но чтобы найти мою Несси, нужно оказаться внутри. Русский друг Джейка даже не представлял, как он прав.

Я просто нажал иконку отбоя вызова и кивнул первому попавшемуся таксисту.

Через час уже смотрел апартаменты в Башне «Око» Московского делового центра. Двухуровневая квартира, отделанная в индустриальном стиле металлом, стеклом и натуральным камнем тёмных сортов меня более чем удовлетворяла: не надо заморачиваться дизайном и покупкой мебели, а «Мерседес», место на парковке, клининг и карта доступа в спортивные залы и спа-салоны исключали даже мелкие неудобства. Вполне мужской характер интерьера и совершенное — разумеется, не такое, как эксклюзивная «Аня» — интеллектуальное наполнение меня устроили, а вид из окна с семьдесят шестого этажа заставил почувствовать себя Кинг Конгом на вершине башни Всемирного Торгового Центра. Странно, но в своём пентхаусе я себя гигантским чудищем, покорённым нежной красавицей, не ощущал. А здесь я чужак, и потому искал прибежища в привычных каменных

джунглях — в русской пародии на Манхеттен.

Выставив коменданта башни с подписанным договором аренды, прошёл в ванную и увидел презентованный кондоминиумом серый банный халат и набор полотенец. Аккуратно выставил на полку перед зеркалом подарок Несси — большую стеклянную бутылку с жемчужно-серым содержимым — концентрированным шампунем.

Гель для душа, крем после бритья, ароматизатор для волос и тела, жидкое и простое мыло и туалетная вода — грифельно-серые флаконы — поставил рядом. Задумчиво разглядывая сделанные Несси подписи, трогал пальцем неровные выпуклые буквы не дыша — ком закрыл горло плотным клапаном. Моя девочка, будущая королева парф-индустрии, сделала для меня то, на что искреннее возлагала куда большие надежды, чем оно могло осуществить. Я прекрасно знал состав каждого средства, знал, как оно должно работать, но чтобы контролировать похоть, одних ароматов мало.

Мозг нельзя обмануть, он — венец человеческой эволюции, с ним нельзя договориться.

Скинул с себя одежду прямо на пол, встал в душевую кабину и включил воду, ничуть не заботясь о её температуре: горячая не сделала бы хуже, а холодная всё равно бы вскипела на распалённом внутренней агонией теле.

Ударил по дозатору, и он, выпустив воздух со всхлипами, похожими на рваные вздохи Несси в оргазме, выдал цинково-перламутровую кляксу шампуня.

Когда просил домоправителя показать «что-нибудь серое», выбирал квартиру под цвет шампуня от похоти, как какая-нибудь гламурная дура выбирает авто под цвет сумочки или помады.

Поставил ладонь боком, бездумно глядя, как стекает к запястью и дальше по руке к локтю густая капля... совсем как по бедру моей девочки стекала моя сперма. Член дёрнулся, болезненно быстро налившись похотью. Я зашипел от досады:

— Что ж ты, тварь безмозглая, встаёшь всё время, а?! Когда ты уже сдохнешь, сука-а-а?!

Рёв вырвался из горла неожиданно, будто прорубил глотку, сдерживавшую до сих пор вопль отчаяния. Я сполз по мокрой стеклянной стене и задохнулся в рыданиях и крике. Орал, как сумасшедший, лупил мраморную стену костяшками в кровь и не мог остановиться. Бился в пустоту к Несси, метался в безумной лихорадке в кабине, как зверь в клетке, был в припадках бессилия. Я ненавидел себя за «я не люблю тебя, Несси», за «я привёз тебя трахать», ненавидел за слёзы и отчаяние в её глазах, за страх и встречу с Сэмом, ненавидел за «побежишь на аборт как миленькая», за унижение нелепым договором... За то, что она видела бесславный конец «Голубя» и считала меня мёртвым.

Я сам всё это сделал с нами.

Вода смывала тёкшую из ран кровь, смотрел на неё в тупом онемении и мечтал вот так слиться в канализацию, где

внутреннее состояние уравнилось бы с внешним наполнением окружающего мира. Я вывалился из кабины на пол ванной, едва волоча себя к штанам, достал телефон и включил видео, снятое в Майами. Лёг, положив голову на холодный окровавленный мрамор, нажал кнопку повтора, смотрел на мою красивую девочку в синем платье, мою королеву, и тихо обливался слезами, не обращая внимания на нарастающую в голове боль.

— Несси... моя Несси... прости... люблю тебя, моя девочка... прости... Несси...

Шептал и слушал любимый голос, пока горячая вспышка, как удар иглой в мозг, не выбила телефон из пальцев.

— *Ник, ты куда меня привёл?* — *шёпотом спросила Несси, крепко держась за мою руку.*

— *Космический центр NASA имени Джона Кеннеди,* — широко улыбнулся, отвечая на вопрос, не требовавший ответа. — *Здесь проводят уникальные эксперименты и тренируют космонавтов.*

Мы вошли через служебный вход, начальник охраны лично встретил нас и проводил туда, где никогда не бывать ни одному туристу — в подземную лабораторию, в которой совместно с моим исследовательским институтом проводится изучение воздействия на мозг абсолютной тишины и темноты. Это один из важных научных экспериментов, которые стали возможны благодаря конгрессмену Герману

Соломату. Он вообще никогда не отказывал в помощи, если она касалась моих исследований мозга, а сотрудничество с NASA — часть моего масштабного проекта.

— Это я поняла, — снова шёпотом ответила моя девочка, — но сейчас мы куда спускаемся?

— На минус третий этаж. Тебе понравится, — я притянул её к себе за плечи и потёрся носом о запашистые волосы.

— Здесь всё так... обычно, — немного разочаровано протянула она, когда мы из лифта шли по коридору с встроенными светильниками.

— А ты как себе представляла?

— Что-то вроде ангара, площадки над большим просторным помещением с летающей тарелкой... — прыснула смехом и зажала ладошкой рот.

— Это в кино. А тут всё просто вот так.

— Фи, — дёрнула показушно плечиком, посмотрела на меня искоса и засмеялась.

Я улыбнулся и чмокнул свою Неську в висок. Моя девочка такая трогательная и так похожа на пытливого ребёнка.

Нас привели в единственный в своём роде сурдобокс: акустическая установка полностью гасит вибрацию и звуки до стопроцентной тишины — можно сколько угодно орать, но изо рта не вылетит ни звука, не колыхнёт пространство. И всё это дополнено такой же стопроцентной темнотой.

Закрыв за нами полуметровую в толщину панель-дверь, нас оставили стоять посреди уникальной каме-

ры. Может быть, моя девчонка о чём-то спрашивала, но я не мог это слышать — для неё самой голос звучал лишь в её голове. Можно было и не закрывать глаза, но я закрыл и замер, крепко прижав к себе Несси. Она ещё не знала, что сейчас случится, а я был здесь не первый раз...

Всего несколько минут требуется мозгу, чтобы испытать сенсорный голод. Он — венец эволюции — существо очень хитрое.

Несси в моих руках вдруг передёрнуло, и она вцепилась в меня так, как, наверное, жертва аллигатора в хлипкий берег.

Мы ухнули в никуда. Ноги не чувствовали опоры, перед глазами вспыхивали цветные пятна, а по коже будто расползся муравейник. Несси цеплялась за меня и дёргала ногами, по лицу хлестнули волосы — она закрутила головой, запаниковала. Ощущения действительно ужасные. Мы будто повисли в бездне, а мозг, лишившийся главных источников восприятия окружающего мира, заставлял тело бесноваться, распускать хоть какие-то волны и вибрации, чтобы считать пространство подобно эхолоту.

Я крепко держал мою испуганную девчонку, мы крутились с ней в глобальной пустоте, и всё, что у нас было — запах наших тел и мы сами. Я держался спокойно и уверенно, хотя мозг уже подкидывал галлюцинации: мелькавшие тени, шорохи, странные ощущения — всё, чего нет и быть не могло, но вынуждало двигаться, чтобы мозг мог сорие-

тироваться.

Несси сначала рвалась от меня, в то же время вцепляясь так, что я боялся за её ногти, потом затихла и крупно дрожала, прильнув ко мне всем телом. Тогда я ослабил хватку, подтянул её на руки и почувствовал, как она обняла горячими дрожащими ладошками моё лицо, неловко ткнув в глаз и ухо, ткнула губами куда-то в уголок рта, потом рядом с носом и сползла губами к моему рту — даже такие простые движения в абсолютной темноте и беззвучия получаются с трудом. Невозможно сделать шаг, нереально понять, где верх, низ и есть ли под ногами опора. Дезориентированный мозг неспособен дать верные сигналы мышцам, а внутренние органы сбиваются с естественных ритмов.

Несси не целовала меня, что-то пыталась сказать: прижав губы к моим, она двигала ими и заставляла меня повторять эти движения снова и снова. Не с первого раза и с трудом, но я, казалось, понял, некоторые слова: «страшно», «помоги», «уйдём»...

Перехватил её на одну руку, а второй провёл ото лба до губ.

Я знаю тебя.

Я вижу тебя.

Я чувствую тебя.

И, зная, что не услышит, ответил ей движением губ по её губам:

— Я люблю тебя. Я рядом.

Смял её рот поцелуем, таким, чтобы забыла о страхе, чтобы стать центром её вселенной, единственной опорой и спасением...

Через несколько минут, когда уже казалось, что прошла вечность, тихий шелест механизма панели сообщил о конце сеанса. За дверью было темно, как в любой комнате с выключенным светом. Мозг практически мгновенно сориентировался, и всё встало на свои места: пол, потолок, уверенное владение телом. Я опустил Несси и вывел из камеры. Глаза постепенно привыкали к освещению, медленно разговаривавшемуся до нормального.

— Как вы? — спросил сотрудник лаборатории, скользя взглядом по мне и внимательнее вглядываясь в лицо Несси.

Она ещё тяжело дышала и дрожала, её ладошка в моей руке вспотела.

— Страшно... — ответила еле слышно слабым хриплым голосом. — Кричала и даже звука не произнесла... — Несси передёрнуло, она прильнула ко мне.

— Язык — проклятие человеческое, — чуть улыбнулся учёный. — Он от мозга отвязан, разве вы не замечали? Думаем — одно, а говорим — другое, разве не так? Ложь во благо и во спасение, ложь из милосердия, из жалости, из любви, от мести — люди постоянно лгут себе и другим.

Парень довёл нас до лифта, я подал ему руку:

— Спасибо, Тейлор...

— Всегда рады вам, сэр.

— Никита, зачем это было? — спросила Несси подавленно, когда закрылись двери кабины. — Это же просто какая-то дикая пытка!

— Так и есть. Долгие сорока пяти минут люди не выдерживают, а пытка тишиной и темнотой известна со времён средневековья, — ответил, стерев с её щеки крупную слезу. — Что ты чувствовала?

— Не чувствовала... не чувствовала, что владею собой... собственным телом.

— Ты и не владеешь, — ответил серьёзно. — Мозг заставлял тебя видеть и слышать то, чего нет... — Она кивнула, пытливо заглядывая мне в глаза распахнутыми своими. — Никто не владеет своим телом. Только он... — коснулся кончиком указательного пальца своего лба. — Чем больше я его изучаю, тем больше верю в то, что мозг — отдельный разум. Он приспособил тело для своего существования, как человек с ограниченными возможностями приспособливает под себя экзоскелет. С мозгом нельзя договориться, его трудно обмануть. Его можно только заинтересовать. Я всю жизнь ищу то, что станет ему интереснее, чем играть с моим членом. Думал, что уже нашёл... — вздохнул.

— Ты сюда за этим приходишь? Чтобы поспорить со своим мозгом? Взять контроль над ним? Приручить или приучить слушаться? — Я кивнул. Удивительно проникательная девочка. Она обняла меня и посмотрела так серьёзно и

доверчиво. — Ты держал меня крепко даже в этой пустоте. Ты владеешь своим телом лучше, чем сам думаешь.

День ещё не очень-то и разгорелся, когда я пришёл в себя в холодной луже — вода лилась мощными прохладными струями, брызгала на пол и уже собралась подо мной лужицей. Наверное, холодок и привёл меня в чувство. Телефон спасли мои штаны и футболка, впитавшие воду. Сгрёб себя в кучу и снова сунул под душ. Сбитые руки саднило, но это не беспокоило. Я, как мазохист, цеплялся за другую боль, заставлявшую сжиматься всё, что ниже пояса, будто с размаху сел яйцами на железную перекладину. Эта боль расходилась по телу, как волны от брошенного мною же камня.

Сунул в машинку джинсы с футболкой, когда, наконец, выгребся из ванной, оставив её в жутком виде. Надел халат и прошёл в спальню. На постель рухнул плашмя, ткнулся лицом в подушку. Зажмурился сильнее, до калейдоскопа звёздочек перед внутренним взором, огладил мыслями боль в сердце, словно подбросил в топку дров.

Потому что только я могу вытащить мою девочку из той страшной бездны тишины и темноты, в которую сам и опрокинул её.

Глава 2. Море волнуется — раз

У меня всё просто отлично! Любимая работа — где-то там.

Идеальные отношения — были. Отличный город — за океаном.

Уютная квартира — не моя. Зато шикарно подобранные транквилизаторы.

США, Нью-Йорк

Никита...

Рассветы без солнца. Ночи без звёзд. Цветы без запахов. Я без тебя.

Без чувств. Ни боли. Ни тоски. Ни желаний.

Меня нет. Не может быть в мире, где нет тебя.

Мой Никита.

Горящие перья прекрасного «Голубя» осели пеплом. Ты ошибся. Он не обжёг — он сжёг меня дотла. Я сгорела с тобой в огне. Мы вместе осыпались пеплом.

Время застыло. Я застыла.

Никита...

«Несси... Несси... Несси...»

Твой голос... такой родной, любимый. Он больно тянет куда-то, будто дёргает нерв или бьёт током. Но тебя нет. Твой зов лишь в моей памяти... Ты и есть моя память. Я сама — только память...

«Несси... Несси... Несси...»

Больно шевельнулось тяжёлой глыбой в выжженной пустоте души, сорвало многогранность безразличия, раскрыло острые углы, медленно повернулось на тихий голос. Он звучит с нечеловеческой болью, откуда-то издалека. Зовёт меня, страдает и кровоточит...

Мой Никита.

Тебе очень плохо... Я чувствую это...

«Несси... Несси... Несси...»

Шаг к тебе... очень больно... невыносимо тяжело... и страшно... Страшно вдруг ошибиться и вернуться в мир, где тебя нет...

«Несси... Несси... Несси...»

Россия, Москва, МДЦ, Башня «Око»

Проснулся ближе к ночи.

Москву заморосило мелким нудным дождём. Он рисовал длинные дорожки нитками жемчужных капель, размазывая по стеклу вид на город. В душе моросило сильнее, я стыл и горел одновременно, тело наполняла болезненная слабость. Смотрел на вечерний город с двумя реками: перламутр — от фар, и расплавленное золото — от габаритных огней. Они текли и путались, вязали макраме улиц и плели сети перекрёстков, украшая их бликами уличных фонарей и флажками светившихся окон.

Прошёл в кухню, похлопал дверцами пустых шкафов и

выключенного холодильника, прихватил с барной стойки журнал-меню из ресторана и сел в кресло. Взял сотовый, чтобы сделать заказ, и он внезапно зазвонил в руках. От неожиданности дёрнулся всем телом и едва поймал выскочивший из руки телефон. Стянутая кожа на разбитых костяшках лопнула, открывая ещё свежие раны.

— Добрый вечер, Ник, — сказал Внутренний голос.

— Это как посмотреть, Макс, но слышать рад.

— Как устроился?

— Пещеру нашёл, колёса последней модели приложили, а элементарно банку кофе поставить в шкаф не удосужились.

— Тут тебе не там.

— Я уже понял.

— Привыкай. Могу помочь?

— Денег дашь? Сомневаюсь, что ноутбук и джинсы с сыром мне продадут за баксы.

— Адрес скинь, привезу сыр и кофе по курсу ЦБ РФ.

— Приятно иметь дело с внутренним голосом, — я улыбнулся.

— А говоришь, вечер недобрый, — вернул улыбку в трубку собеседник и завершил звонок.

Трудно у меня было не только с российскими деньгами, я прилетел с полупустой спортивной сумкой: тотем, «Центурион», bluetooth-зарядка для телефона, парф-набор — подарок Несси, органайзер и пачка документов... Даже трусы не взял.

Миллиардер без трусов.

Это мысль насмешила. Сначала коротко хохотнул, потом ржал до слёз и колик в животе. Чувствуя, что накрывает истерия, глуша клёкот в груди, достал капсулу антидепрессанта и швырнул в рот.

У меня всё просто отлично! Любимая работа — где-то там. Идеальные отношения — были. Отличный город — за океаном. Уютная квартира — не моя. Зато шикарно подобранные транквилизаторы.

Ванная оказалась ближе, вошёл запить таблетку от безумия и увидел бардак и свои брошенные мокрые вещи и полотенце.

— Красавчик... — пробурчал и сунул одежду в стиральную машинку. Чертыхнулся — даже порошка нет. Налил гель для душа.

До приезда Макса строчил в сотовом длинный список покупок от авторучки до самолёта, вспоминая, как рассказывал Несси о покупке сковородок.

От гостиницы «Four Seasons» с заходом в торговый центр психоправ добрался за сорок минут. Бумажный пакет с банкой кофе, сыром и сырокопчёной колбаской в острой обсыпке, десяток яиц, молоко и что-то ещё из продуктов заинтересовали гораздо меньше новенькой крутой машины — ноутбук «Getac».

Ультрапрочный и лёгкий, с новейшей системой безопасности, включая эффективную многофакторную аутентифи-

кацию — гарантия защиты от шпионов и вторжений, непрерывная работа батареи на месяцы, распознавание лица владельца и клавиатура с дактилоскопическими датчиками, искусственный интеллект, в мгновение считывающий параметры окружающей среды и способный вызвать любую аварийную и спасательную службу...

— Ничего себе... — сказал я себе. То, что надо, чтобы серфить по сети без опасения местоопределиться.

— Какая мимическая экспрессия! — весело ухмыльнулся Максим. — Не знаю, в какой суп ты попал, парень, но даже в России возможна жизнь... — На стол легла банковская пачка пятидесяти тысяч купюр. — На первое время... — он отошёл к панораме и посмотрел на город с высоты птичьего полёта. — Высоко сижу, далеко гляжу, — весело улыбнулся, глядя на утонувшую в ночи Москву и поредевшие техногенные реки.

— Хотелось как привык. Думал, будет легче, — я усмехнулся и встал рядом.

— Бывает, конечно, что лечат зуб, когда болит живот, но не бывает, чтобы это помогло животу, — заметил Макс.

— А как же «поместить в привычную обстановку»?

— Жирная роспись в непрофессионализме.

— А как надо было?

— А надо было как внутри, так и снаружи.

— То есть в ад? — хмыкнул я.

Макс ответил просто:

— Значит, в ад. Ты в компьютерные игры играл?

— Было дело в далеком детстве.

— Раз ты родился в России, значит, выбрал сложный уровень.

— И что же мне делать?

Воедино пока ничего не связывалось, раздраз в душе мешал думать логически. Мне нужен был толчок, направление пинком.

— А чего хочется?

Я хмыкнул.

— Мне всегда хочется только одного — трахаться.

— Так трахайся, — просто ответил Макс.

— Это твоя профессиональная рекомендация? — усмехнулся я.

— А ты думал, я тебе член бантиком перевяжу и в музей пылиться отправлю? Хочешь трахаться — трахайся, но делай это от души, на полную катушку. — Я недоверчиво посмотрел на гостя. Он даже не повернулся, так и стоял перед окном и смотрел на город, но лёгкая ухмылка дала знать, что мой взгляд и недоумение не остались незамеченными. — Я тебе не ты, чтобы запрещать что-то. Как твой внутренний голос, подсказываю: забудь про эту пустую фишку со льдом — это уже не сработает. И если трахаешься — делай это с ощущением, что перебрал, — Максим повернулся и посмотрел на меня внимательно. — Понял, парень? От секса тебя должно скручивать тяжёлое похмелье.

— А похмеляться надо?

— Я тебе больше скажу — уходи в глубокий запой.

Джейк сказал сойти с ума.

— Смерти моей хочешь? — иронизировал я с горькой усмешкой.

— Ты когда пацаном был, кем стать хотел?

— Байкером, — помолчав, вспомнил подростковые забавы. — А ещё думал назло родителям стать ресторанным певцом.

— И что тебе мешает? — вздёрнул бровь Макс, повернувшись ко мне всем телом и глядя на меня с искренним интересом. Я растерялся. — Ты подчинил жизнь поиску решения проблемы, которую этим же и подпитываешь. Всё остальное для тебя перестало иметь значение, так, Ник? — он смотрел с ироничной улыбкой. Как на идиота, который с пеной у рта доказывал, что прав.

— Хочешь сказать, я всю жизнь занимаюсь не тем? — прищурился, уже понимая, что он в чём-то прав.

— Один математик потратил пятнадцать лет, чтобы вычислить семьсот семь знаков после числа «Пи», а вскоре появился компьютер и вычислил их за сорок секунд, — заявил Максим.

— Ты и есть тот компьютер? — уточнил я.

— Я драйвер...

В этот поздний вечер мы долго разговаривали. Максима

интересовали исследования мозга, а меня он сам. Когда проводил гостя, налил кофе, устроился в кресле напротив панорамного окна с видом на Москву-реку, включил ноутбук и открыл онлайн-версии американской прессы.

«Последний полёт “Голубя”»

«Бери выше!»

«Смертельный взлёт!»

Заголовки и статьи крупных СМИ не отличались оригинальностью, но успокоили уверенностью в моей гибели: «...ведётся следствие...», «...по просьбе отца трагически погибшего дата и место захоронения не разглашается...», «...предварительная версия — неисправность двигателя...», «...оглашение завещания состоится...»

В глянцевоe озеро бросили глубинную бомбу, осталось ждать произведённого эффекта. Я уже собрался закрыть новостные страницы, когда внимание привлекла колонка «Ещё на эту тему»: «Проклятый наследник. Самолёт летит в Россию».

«...бизнесмен мирового уровня заслуживает большего внимания к своей персоне хотя бы после смерти. Никита Соломат никогда не был медийным лицом и вышел из тени буквально за несколько дней до трагической гибели. Не прошло и суток, как движение миллиардера подхватила вся Америка. “Бери выше” — теперь не просто слова, это символ веры в себя и будущие достижения, это веяние нового времени, второе дыхание великой американской мечты! Русский оли-

гарх стал новым символом Соединённых Штатов!

Но что мы о нём знаем? Какая связь между стремительным расцветом империи Соломатов и на шумевшей почти тридцать лет назад историей о краже ‘ока’ ягуара и убийстве шамана племени майорунов в Южной Америке? Кровавое наследство и проклятый наследник.

Следите за журналистским расследованием!

Бродяга, внештатный корреспондент».

Сердце внезапно сдавило, боль толкнулась в спину и отняла руку, скрутилась узлом под рёбрами. Я лёг на диван. Стало хуже — теперь не хватало воздуха. Я завалился на бок и сжал грудь, закрывая глаза...

Две недели прошли как в тумане. Я горел в агонии, бросался на стены, разбивал руки в кровь, снова и снова окунался в тёмную бездну и звал Несси. Сны больше походили на бред, реальность не сильно отставала. Смутно помнил, что мне звонил отец и Макс, какие-то обрывки фраз, много виски из ресторана — пустые бутылки из-под «Макалана» двадцатипятилетней выдержки разных объёмов стояли на столе Манхэттенскими небоскрёбами. Я пил и забывался, и беспрерывно на автоповторе прокручивал видео с Несси.

«Getac» и этим утром разбудил меня её голосом:

— *Я боюсь в нём не сгореть вместе с принцем...*

— Не каждый огонь обжигает... — прохрипел сухим голосом, проведя раскрытой пятернёй по её изображению ото

лба до губ. — Люблю тебя, моя Несси...

Я будто вышел из комы. Состояние было таким же: дикая слабость, головокружение, невыносимая усталость и глухая пустота внутри. Я ощущал острую потребность в горячем бульоне или стакане холодного молока. Душ освежил, но запах перегара сбивал с ног. Я оброс неопрятной бородой, волосы и ногти тоже отросли. Сильно похудел и осунулся и не мог вспомнить, что и когда последний раз ел.

В душе будто что-то выболело, выгорело и осыпалось пеплом на самое дно. Он ещё обжигал, но я уже чувствовал, что могу жить. Будто сообщающийся сосуд стал наполняться, и мне больше не надо давать сто процентов себя.

Айфон нашёл не сразу — он завалился между диванными подушками. Позвонил в ресторан, а когда, наконец, наелся и немного навёл порядок в голове, лёг на постель и позвонил Максу. Он ответил сразу, будто ждал звонка:

— Жив?

— Жив.

— Перерыв?

— Возрождение.

Скрутился эмбрионом под лёгким тёплым одеялом и провалился в сон без сновидений.

США, Нью-Йорк

Кто-то держит меня на руках. Крепко обнимает. Я чувствую это и не чувствую одновременно — тело отмечает

чужое присутствие, но не спешит реагировать. Я застыла оплавленной бесформенной массой.

— ...*Кто для вас девушка в синем?..*

Девушка в синем... Я...

— *Моя королева.*

Родной голос... Нежный, тёплый. Чуть хриплый от взволнованного вздоха. Искренний...

«*Несси...»*

— *Моя королева...*

«Скажи ещё раз... пожалуйста...» — прошу и не слышу себя, еле могу разлепить сухие губы, слёзы льются из глаз обжигающей густой лавой. Чьи-то тёплые пальцы вытирают их.

«*Несси...»* — родной голос шепчет прямо в душу, очень тихий, с невыносимой болью, на пределе отчаяния.

— *Моя королева...* — Дёргается изображение на огромном плазменном экране. Снова и снова возвращает мне ласковое: — *Моя королева...*

Никита... Смотрит прямо в глаза. Он за столом, накрытым синим полотном. Как моё платье. Сердце делает первый удар, сокрушая ребро — рвётся к нему.

— *Кто для вас девушка в синем?..*

Никита молчит целую секунду, опускает взгляд на сукно и проводит по нему ладонью... Я чувствую это движение. Оно скользит по коже, вызывая мурашки, стирая стылое бездушное оцепенение. Меня лихорадит, зубы стучат, я не могу со-

владать с телом, оно мне не послушно.

«Теперь ты знаешь — не каждый огонь обжигает...» — шепчет голос памяти.

Глаза болят от света, я медленно закрываю их и тяжело открываю снова.

— *Моя королева...* — смотрит с экрана прямо мне в глаза... и чуть-чуть улыбается. С такой нежностью...

Я бы стекла бессильно и растворилась, но...

Джейкоб. Это у него на руках я сижу. Его тело — моя опора, его руки — мой скелет. Он держит меня крепко и смотрит внимательно. Жестокий дьявол. Я должна ненавидеть его... но мне всё равно.

Рассел... Он сидит на корточках передо мной и держит мою ладонь в своей. Его глаза влажно блестят. Он слабо улыбается и что-то говорит — я не слышу, потому что сердце запускается, оглушая шумом кровотока, и бьётся с тихим эхом... едва слышным... слабым...

— ...тебя будет ребёнок, Несси... — Его слова вдруг обрывают звук, и я понимаю, что он повторяет это снова и снова. — Ты понимаешь меня, Несси? Ты беременна. У тебя будет ребёнок... твой и Никиты.

«Несси...» — эхом звучит последний раз и угасает в глубине души.

Потому что я вернулась туда, где нет Никиты.

Маури. Блэр. Экен. Я поднимаю залитые слезами — а кажется, что кровью — глаза и перевожу взгляд с этих лиц.

До разума медленно и трудно доходит: «У меня... будет... сын... Никиты...» Это не укладывается в голове, не примиряет меня с этим миром. Душу разрывает в лоскуты от огненной боли. Я не могу жить без любимого...

— ...ребёнок Никиты... Несси... Ты слышишь? — настойчиво повторяет Рассел, а Блэр плачет безудержно, и Экен, обнимая жену, тоже кривится, сдерживая соль. — Маленькое чудо, Несси... Ты понимаешь, о чём я говорю? — сжимает Расс мою руку.

На меня обрушиваются звуки, запахи, свет, эмоции... Я на минуту слепну от красок ненужного мне мира, глохну от стука забившегося сильнее и увереннее мятежного сердца.

— Он жив... Несси... Никита жив... — Джейкоб фиксирует моё лицо ладонями и смотрит в глаза, а я с трудом держу на нём взгляд. Он повторяет, пока до меня не доходит: — ...Жив!

«...скажи, как ты любишь меня... люби меня сильнее, моя Несси. Люби всей душой... Пока ты меня любишь — я жив...»

— Люблю тебя... мой Никита... — шепчу, разрывая немые губы, боясь поверить... давая любимому шанс на жизнь. Иначе мне нечего делать здесь... без него.

— Когда «Голубь» взорвался, он уже садился в другой самолёт. Никита жив! — слышу голос Джейкоба.

— Он не любит меня... — шепчу, не понимая, почему он поступил так жестоко.

— Любит. Очень любит.

— Он бы сказал...

— Он сказал это тысячу раз. По-разному сказал. И я сказал тебе об этом. Вспомни, Несси. Ты ведь сама знаешь, что он любит тебя.

«Ник — однолюб... Ты его любишь, он тебя любит...»

— Он сказал, второго шанса не будет... — протолкнула через горло слабые хрипы.

Я не сопротивлялась — просто очень нужно, чтобы меня убедили в этом. Мне нужен якорь в этом мире. Мне нужно ради чего-то жить.

— Правильно сказал. У него только один шанс, Несси. Ты. Ты — его единственный шанс.

— У нас с Никитой... будет сын... — приняла я эту реальность.

Он жив.

А значит, и я могу жить...

Я пришла в себя в психиатрической клинике. Меня ещё не выписывали, и Джейкоб, сколько мог, всегда был рядом. Мы сидели или гуляли в парковой зоне с выходом на Гудзон, много разговаривали о Никите — мне это было важно, я должна была выговориться, чтобы не сойти с ума от высасывавшей душу пустоты и боли.

— ...Джейк, я думаю, если бы мы расстались просто... то есть просто бы разошлись, то это было бы насовсем. А теперь

чувствую, что это... Я не знаю, как объяснить...

«Моя Несси...»

Мне казалось, я схожу с ума, потому что голос Никиты вдруг раздавался в полной тишине ночью, когда я не могла уснуть. Его голос будил, когда я, измученная, всё-таки засыпала. Он звучал так тоскливо и отчаянно, с такой нежностью и душераздирающим стоном, что я вскакивала и долго не могла прийти в себя. Сердце сокрушало рёбра, казалось, на них уже не было живого места, и каждый удар отдавался ноющей болью.

И я умоляла его тихим шёпотом: «Люблю тебя... ты жив... жив... вернись... пожалуйста...»

— Это естественно, что совместно пережитый сильный стресс делает людей ближе.

Я медленно повторила про себя слова парня, вдумываясь в то, что он хотел сказать.

— Ты думаешь... он чувствует то же самое? — спросила с робкой надеждой.

Я цеплялась за каждое сказанное им о Никите слово, собирала их в копилочку в уголке души, чтобы потом в одиночестве прислушаться и снова, и снова пережить сладкое волнение, которое нечаянно дарили друзья любимого мужчины. Из микроскопических и неявных смыслов я бережно собирала разбитую надежду на наше с Никитой счастье.

Не могла простить себе то беззвучное «Уходи». Казалось, в тот момент Никита передумал, а я сама его оттолкнула,

оглушённая отчаянием.

— Такова психология человека, — взглянул на меня Джейкоб, чуть дольше задержав внимательный взгляд. — Психологи называют это «феномен стресса». Реакция на стресс запускается гипоталамусом, в кровь выбрасывается много гормонов, подавляющих воспалительные и прочие негативные биологические процессы. Наверное, знаешь, что матери практически мгновенно выздоравливают, если заболевает их дитя? Это своего рода направленная сублимация эмоций, главенствующих в момент стресс-фактора. Обратный стресс. Прости, что напоминаю, но именно он помог тебе в Хартфорде.

— Я уже поняла, что это было мне во благо. Но это было жёстко, если не сказать жестоко. Агрессивно...

По коже пронеслись мурашки, стоило вспомнить, что мне устроил этот милейший, как оказалось, парень в нашем с Никитой гостиничном номере. А уж эта спланированная, как я уже поняла, встреча с Сэмом...

— Ты не знаешь, как я могу быть жесток, когда точно знаю, что это принесёт нужный результат. — Я задумалась. Наверное, отпилить гниющую ногу без наркоза — если что-то случилось в джунглях вдали от стационарных условий — это жестоко, но в итоге спасает жизнь. Кивнула своим мыслям и услышала вздох Джейка. — Несси, пообещай мне кое-что... — Я вопросительно вздёрнула бровь. — Однажды ты выслушаешь меня, как бы дико и бесчеловечно ни было то,

что я тебе скажу.

Я пожала плечами и снова кивнула. Всё ужасное уже случилось, и не по его вине...

...Море волнуется — раз...

Океан дышал глубоко и возбуждённо, рокотал голосом Никиты, иссиня-чёрная пучина неба светилась ярко-синими, как его глаза, звёздами. Тяжёлые шершавые волны, собравшие на мелководье белый песок, оглаживали тело ласково, как ладони моего мужчины. Я смотрела в тёмную бездну на созвездия, сложившие его черты: нахмуренные брови со складкой между ними, ямочки в уголках губ и на подбородке, пронзительный взгляд, отражавший нашу с ним сингулярность[1].

Закрывает глаза, расслабляясь и отдаваясь океану...

Яркий оргазм всё ещё посылал по телу сладкие волны, а мы с Никитой упоительно целовались, словно и не заметили этой вспышки чувственного безумия. Всё началось с какой-то русской детской считалочки, а закончилось...

...Море волнуется — два...

Это не закончилось. Мы оба переполнены, каждый дал сто процентов себя, и налитая чаша любви кипела, как котелок сказочной колдуньи, ведь невозможно вместить в себя вдвойне, а мы вместили. Любили друг друга неистово и неустанно, никаких остро возбуждающих поз, лишь крепкие

*объятия и бесконечный поцелуй, лишь его движение во мне.
И сладкие оргазмы под песнь китов.*

Они неспешно кружили совсем рядом, то скрипели, то заливались соловьиными песнями, то посвистывали или вскрикивали. В ярком свете луны мы видели их силуэты, когда они с любопытством поднимали над водой огромные головы и будто звали нас протяжным рокотом. Удивительное эхо, неземное, странное, будоражило и будило в душе что-то возвышенное, восторженное. Казалось, эти исполины плавают и в океане, и в тёмном небе. Что они слились — небо и океан. Как слились в одно мы с Никитой — небо и земля.

— Несси... — шептал Никита мне в губы, — загадывай желание, самое заветное. Оно обязательно сбудется. Самое невозможное... — он смотрел в глаза синими звёздами, лаская губами моё лицо.

И я загадала.

Лишь с рассветом растаяли в глубине левиафаны, будто и не было их.

— Никита... мне кажется, что этой ночью случилось что-то особенное...

— Случилось, моя девочка... Когда киты поют людям свои песни, это приносит счастье.

— А ты загадал желание?

— Конечно, я не мог упустить такой случай.

— А мне не положено знать?

— Мне кажется, оно у нас одно на двоих...

[1] В философии слово «сингулярность» обозначает неповторимость чего-либо — существа, события, явления.

Глава 3. Сила человеческого безразличия

Человек — такая скотина, к хорошему враз привыкает.
Россия, Москва

Когда летишь с моста вниз головой, раз и навсегда понимаешь, что всё в жизни, решаемо, кроме одного — ты уже летишь с моста.

А я улетел. Для Несси — умер. Умер для самого себя.

Мне самое место на кладбище человеческих отбросов, но пока я собирался на то, где похоронили мою бабушку.

Большая кружка антидепрессо — кофе с горстью пилюль — не изменила ничего ни внутри — я всё так же был болезненно пуст, ни снаружи — Москва моросила незаметным, как грусть, дождём.

Вёл пошло-красный «Мерседес» по Живописному мосту, три часа прокатавшись по улицам, и после двадцати лет жизни в Соединённых Штатах и путешествий по многим странам смотрел на Москву другими глазами.

Она разрослась, но её негласное деление на пять условных зон никуда не делось: центр — для чиновников, запад — для олигархов, юг — прислуга, север — середнячки, а всё, что восточнее центра — рабсила и полный отстой. Практически карта самой России, наглядное пособие отношений вла-

сти страны и простых людей. И новостройки ничего не изменили: всё архитектурно-красивое, неповторимое и элитное стремилось на запад, восток же всё больше походил на гетто с хостел-районами, похожими на выгребные ямы. В масштабах России выгребали всё: от детей для зарубежных семей до недр.

Мне хватило пролистать московские каналы, чтобы понять, что зомби-апокалипсис уже случился. Здесь, на моей родине. В России. Но разве зомби объяснишь, что он зомби? Для него всё нормально, привычно, по кругу, стабильно: работа — за еду, другие вот вообще без работы сидят, а тут хоть какая-то копейка; предел мечтаний — Крым, лет за пять на три дня отдыха точно накопить можно, а ещё доехать по дешёвке с BlaBlaCar; необходимость — пальто, авто, стиральная машина, собрать детей в школу и вылечить зубы — в кредит; и вишенкой — дети по стопам родителей. Полный комплект апокалипсиса. Политические телешоу и дебаты — чтобы зомби выпустили пар и не догадались, что безработица и дефицит продуктов создаются искусственно, что засилье тупой литературы и кино — звоночек о повальной запланированной реформами образования умственной отсталости: люди то, что они едят, и это не о котлетах и фуа гра, это о пище для мозга. Мне ли этого не знать? Впрочем, что взять с зомби? Их всё глубже загоняют в урбанистские ущелья с патристичными названиями «ЖК Сергей Есенин», «ЖК Соловьиная роща», «ЖК Мичуринский»... Но всё элитное тяго-

теет к «ЖК Манхеттен», «Английский квартал», «Ривьера», «Барселона», «Французский дворик» и многочисленные паласы, плазы, хаузы...

Барвиха, где моя семья купила особняк, когда бизнес неожиданно и очень круто пошёл в гору, когда мне было лет шесть, тоже делится на районы — Территории: Кантри-Про, Барвиха-Хиллс, Барвиха-Виладж, Сады Майендорф... С советских времён вожди строили здесь свои резиденции, а в постсоветские времена на Рублёво-Успенском шоссе случился бум строительства элитных коттеджей.

Наш особняк был далеко не бумовским, а самым что ни на есть генсековским. Построенный полу-амфитеатром, с чёрными мраморными лестницами, ведущими к круглой чаше фонтана из того же камня, в центре которого скульптура чёрного ягуара, лежащего над водой на толстой ветке.

Но туда я сегодня не собирался. Свернул с МКАДа на Рублёвское кладбище.

Могилку под старой липой на перекрёстке центральной и второй налево аллеи нашёл сразу: невысокий цоколь из серого гранита, из него же полированная плита, чёрный кованный ажур и двойной памятник — супруга бабушки я помнил плохо, он был хирургом в Центре сердечно-сосудистой хирургии, но за собственным сердцем не следил, и умер однажды прямо во время многочасовой операции.

Цветов я не купил, что сказать мёртвому человеку, который любил меня и которого любил я — не знал. Просто сел

на гранитную скамью у изголовий, сложил руки на столике и уронил на них голову. Мелкий дождь совершенно не мешал молчать и нервоточить...

— Ёк теремок... Эй, парень... — кто-то потряс меня за плечо, — парень, ты как?

Запах мокрых грязных тряпок отравил едкой амброй. Я поднял голову и выпрямился. Бомж в стоптанных ботинках, при жизни вполне неплохих, в не менее живописной куртке без молнии и вытянутом свитере под ней участливо смотрел на меня ясными зелёными глазами под седыми патлами. Лицо не опухшее, застарелым перегаром от мужика не пахло, жилистые руки удивительно чистые.

— Жив пока...

— Родные? — бомж бросил взгляд на памятник. Я кивнул. — Ни разу не видал тебя раньше.

— А ты следишь за посетителями, что ли? — я ухмыльнулся.

— Та не, — махнул рукой мужик и поморщился, — могилки убираю, мне копеечку дают... Всех уж по именам знаю, кто да к кому ходит, почитай, прижизненные истории каждого мертвяка тоже. — Он поставил на асфальт большую китайскую клетчатую сумку, и она красноречиво забрякала пустой тарой, а сверху скинул небольшой рюкзак. — Не подумай чего, — заоправдывался бомж, — банки у меня тут пустые.

Я удивился:

— Зачем они тебе?

— Ёк теремок, так яблоки варить, да сливы. В холода с кипяточком-то веселее жить. Я вот машину помыл, на сахар соточку заработал, — заулыбался мужик, и я мимолётно поразился белизне его ровных зубов.

— Ты всегда тут, что ли?

— Шесть лет уж, ёк теремок, — поскоблил под бородой мужик, — меня тут знают уже. А на столике этом я чаёк пью и с упокоенными беседую.

Я улыбнулся:

— Понимаю, всем не хватает того, кто выслушает.

— Та не, парень. Ты недооцениваешь силу человеческого безразличия. Выслушают — запросто, но не услышат.

— А мёртвые услышат?

— А вот мы сейчас чайку погреем и узнаем, — он глянул на фото на памятнике и подмигнул бабушке и деду, как старым знакомым.

Вошёл в оградку и взглядом спросил у меня разрешения присесть. Я ответил тоже взглядом. Что-то в этом бездомном разрывало привычный шаблон. Мужик присел на каменную скамью напротив, достал кусок фанеры и положил на него какую-то круглую железку, расправил на ней запчасти и вставил небольшой баллон с газом. Из сумки появились литровая кружка из нержавейки, еще две поменьше, бумажный кулёк с чем-то и непочатая бутылка минералки без газа. Я молча наблюдал, как бомж налил воду и зажёл горелку,

открыл таинственный кулёк и пластиковой ложкой насыпал смесь каких-то трав, цветов и сушёных ягод, залил кипятком и ошарашил:

— Не бойсь, все чистое. Даже скотине кормушки чистят, а я того больше — человек, однако. Одежда грязная, но то потому, что сушить теперь негде, — вздохнул тяжело. — Не побрезгуешь? — лукаво усмехнулся.

Подвинул мне кружку, и я молча взялся за ручку. Не побрезгую.

— Лёха я, Борисов. Когда-то Леонидычем был. Сейчас солнце выглянет, — уверенно объявил без перехода и подул в кружку, разгоняя травинки.

Я сделал то же самое и вдохнул аромат лесной клубники, осенних яблок, сосновой хвои и каких-то трав.

— Спасибо, — сказал искренне и рискнул сделать первый глоток, стараясь не обжечь горячим металлом губы. — Ммм, необычно. Никита, — потянул мужику руку.

Бомж по-простому ответил на рукопожатие и вскинул белозубую улыбку к небу, и я с удивлением понял, что моросить перестало, а солнце заметно пригрело.

— Я ж и говорю — любим мы с твоими чаи погонять да душевно поговорить...

...Мы просидели, наверное, часа два. К их исходу я знал содержимое сумки Алексея Леонидовича Борисова как своей: спецназовский нож — дорогая игрушка, но весьма функциональная; надувной матрас и ручной насос; самодельный

тент из целлофана; небольшая кастрюлька и миска из нержавеющей стали; задёрнутый толстый ежедневник с привязанной к нему чёрной ручкой; банка варенья из сосновых шишек — от бронхита хорошо помогает, которым часто болел мужчина, как он сказал; пара одноразовых стаканов и расчёска; шампунь в тубике, крем для рук и зубная щётка; небольшая аптечка из дешёвых лекарств, среди которых заметил внушительную пачку активированного угля — им бомж зубы и чистит, как он пояснил, увидев мой заинтересованный взгляд; нашёлся и сотовый — легендарный «Нокия 3310», но к нему не оказалось зарядки; пакетик с рыболовными снастями; катушка ниток с парой иголок... Он бы выжил и в глухой тайге. Русский мужик, с которого система содрала «шкуру» и выбросила на улицу, как ненужный опустошённый резервуар, хотел очень мало:

— ...сколочу арбу, утеплию — вот и дом будет, чем не американский трейлер? Я уж и рассчитал всё, под буржучку продумал всё. Я ж инженер-конструктор, всё могу сам...

Я в этом уже не сомневался. Если бы он не мог, и не могли вот так выживать на минимуме ещё сто пятьдесят миллионов, эту страну уже бы лихорадило. Её всегда что-то лихорадило, как бабу в горячке, которую лупит муж. Ответила ему пустой сковородой по голове для остротки, утёрла кровавые сопли и пошла в доме марафет наводить да пироги милому печь — подумаешь, деньги в казино американское носит да поглядывает за чужой женой, всё равно свой, хоть и убить

порой хочется. И не знаешь, гордиться дурой-бабой или за голову хвататься, но очень она хозяйственная да башковитая — половнику сто применений найдёт, ложкой деревянной бытовую магию творить сможет — голь на выдумки хитра.

Я слушал этого человека и диву давался — да, твою мать, доколь?! Ведь мог жизнь этого человека круто поправить — достоин он, как и всякий другой, и чашек из кружевного фарфора, и перин на лебяжьем пуху, и носков шерстяных на мытых ногах, протянутых к камину. Но разве изменит это что-то? Мудро ли дать рыбу, а не удочку? Нет. Потому что простая из ивовой лозы уже не прокатит, надо чтобы она и стреляла, и ведро воды из колодца доставала, и зонтиком раскрывалась, а иначе это роскошь, непозволительная церковным служкой — друганом драчуна-мужа. Вот и прочит он жену, на жену и на их совместное будущее.

— ...в автосервисе пообещали покрышки отдать да диски старые — колёса справлю... — продолжал о потребном Алексей. А я рассматривал его внимательно и не понимал — что я делаю здесь? Почему не в Европу, не в Африку, не в Антарктиду — что сюда припёрся? В страну, выбравшую себе роль жертвы. Стокгольмский синдром мирового масштаба. — ...если бы ещё пахану не отстёгивать... — прорвался в мысли расстроенный голос мужчины.

— Кому? — переспросил, думая, что ослышался.

— Так всё ж поделено, — откровенничал он, — помойки и доходные места для милостыни. Пахан следит, чтобы

чужой не совался — убить могут. Кто бомжа искать станет? Платить, что живёшь на его территории, не станешь — поминай, как звали. Милостыньки половину не отдашь — исход один...

Он говорил и говорил, а у меня перед глазами полетели чёрные мухи, от бешенства заломило виски. Я думал, уже увидел дно. Но нет, то был люк.

— ...это ж живые обманули, документы отобрали, кости переломали да в подворе бросили, а мёртвые тихие, мы вместе тлеем. Только Лехе Борисову даже крест деревянный никто на могилке не воткнёт. Да и могилка будет ли...

— Лёх, ты не пьёшь, выходит, и не куришь, как посмотрю?

— Отчего ж? Снег ляжет — без выпивки никак. Понемногу, чтобы не околеть. А курить не курю, как забомжевал, так и бросил — лишних денег нет, каждая медяшка на счету.

Я окинул взглядом могилки бабушки и деда и только понял, что нет ни внутри, ни вокруг оградки ни завалов прошлогодних листьев, ни грязи, что за много лет неизбежно скопилась бы от снегов и дождей — очевидно, тут убирали.

— А видел здесь кого? Кто-то навещает? — кивнул на памятник.

— Та не, ты первый. А что чисто — так это я убираю, не свинья ж в гости ходить да срам разводить. Чаёк в чистоте пить приятно, да упокойным благом ответить.

Хоть крышу над могилками ставь, твою мать, для этого мужика! Я встретил взгляд его, такой, что словами не пере-

дать, сколько в нём всего намешано: и решимости, и мудрости, и простоты...

— Так ты, выходит, шесть лет ухаживаешь?

— Та не, лет пять. Первый год бомжевал на площади трёх вокзалов, всё домой уехать хотел, в Иркутск. Да напрасно. Потом уж оскопытился и на Рублёвку перебрался, насмотрелся про Сифона и Бороду, думал, тут легче будет, — хохотнул беззлобно. — Так отхватил от местных, что еле уполз, вот на погост этот. Уж, думал, тут подохну, так хоть номерок дадут, как прикопают. Но Бог зол — оклемался я, да тут и остался.

— Ты, выходит, в долги меня загнал...

— Ёк теремок, та какие долги? — перебил, замахав рукой мужик.

— Ну как это? Убираешь, мёртвые тебе вон и тучи разгоняют... — я достал бумажник, вынул рыжую пятёрку и протянул ему банкноту.

Бомж отпрянул:

— Забери свои богатства! Куда я с ними? В первом магазине скажут — обворовал кого, да ментов вызовут. А те отлупят да отберут. Не надо, соточку дашь на сахарок, и спасибо.

Я вернул бумажку в бумажник. Бомж поставил меня в тупик.

— Может, ко мне поедем? Поешь, помоешься как надо?

Бомж затряс головой:

— Не, парень, человек — такая скотина, к хорошему враг привыкает. Потом из тепла и сытости на улицу — это как заново всё потерять.

Я вздохнул.

— А есть магазин поблизости?

— Удумал чего? — прищурился Алексей Леонидович.

— Водки куплю тебе, снег ляжет — пригодится.

— Вот это спасибо! Это приму! — заулыбался. — С могилки не пью, нашему брату туда отраву сыпят, как собак травят, — сморщился. — А магазин вон через лесок по тропе с километр, — махнул рукой вдоль МКАДа.

— Не уходи, скоро вернусь...

...В замкадье нашёл не только продуктовый магазин, но и сток с одеждой. Пятёрку разменял, когда покупал водку и две пары толстых шерстяных носков, потом зашёл в аптечный закуток, купил что-то от кашля — вспомнил про бронхит бомжа.

Когда вернулся, Алексей снова согревался чаем. Я сел и поставил перед ним бутылку водки и положил носки, больше похожие на валенки — толстые, высокие, плотные.

Бездомный довольно крякнул:

— Угодил. Ноги-то я совсем спортил, хорошее дело... — крутил подарок, улыбаясь.

Я взглянул на часы — до конца дня ещё далеко. Вздохнул. Надо бы заглянуть в супермаркет, пройтись со своим списком.

— Ладно, Алексей, пора мне. За могилку вот, возьми...
— вытащил из бумажника разменные купюры и сунул ему в руку, — ...не откажись, я правда благодарен. Да и старикам не так одиноко было с тобой, — улыбнулся. — Я ведь скоро улечу, одни останутся снова. — Я встал и уже вышел за оградку, но вернулся, снял с руки часы — эксклюзивный «Rolex», белое золото с платиной, подарок Германа — и положил перед бомжом. — А это за правду жизни.

США, Нью-Йорк

Из «Mayo Clinic» меня выписали лишь через пять дней. И я сразу угодила в руки Рассела:

— Я предупреждал, — ответил он на мой тяжёлый вздох и недовольный взгляд.

— Я должна была выйти на работу в «Деметер» ещё неделю назад.

— Но ты же звонила, что попала в клинику? — спросил врач и захлопнул за мной дверцу своей машины, когда я кивнула.

— Но я чувствую себя хорошо...

Возражала слабо, потому что осознание, что у меня будет ребёнок, сменялось неверием. Я подходила к зеркалу в общей комнате в клинике и смотрела на себя сбоку, гладила живот, прислушиваясь к ощущениям, но ничего не чувствовала. Не знала сама, какие эмоции искала в себе, но ничего, кроме тоски по Никите, не находила.

Я вдруг перестала слышать его голос. И это оказалось хуже, чем просыпаться от него, не засыпать из-за него, не вздрагивать, озираясь в поисках его владельца. Я словно лишилась чего-то необходимого и всё ещё ждала его. Меня раздражали громкие звуки и скопления людей, иногда сами по себе на глаза накатывали слёзы, иногда я качалась, сидя на постели, словно лелеяла, баюкала свою тоску как куклу. И всё время прислушивалась.

Будто этот голос мог ответить мне на главный вопрос — что делать с этой жизнью?

Она напоминала кубик Рубика в руках неумелого спидкубера[1]: стоило собрать одну её сторону — распадалась другая.

— Вот и замечательно! — сказал Рассел, а я уже и забыла, что ему говорила. — Сегодня по максимуму обследую тебя, утром сдашь анализы, если всё действительно хорошо — выпущу тебя из клиники...

Он что-то ещё говорил, но я не вслушивалась. Шла с мужчиной по знакомому коридору, и всё тут напоминало о Никите. Первый визит, от которого я так хотела отказаться и не могла не воспользоваться. Потом второй, когда поняла, что не зря струсила и не продала почку. В тот день я узнала, что забеременеть для меня сродни чуду.

И вот я снова здесь. Беременная. Просто восьмое чудо света.

— Давай сразу на кресло, — завёл меня в свой смотровой

кабинет Рассел. — Готовься, я распоряжусь подготовить тебе палату...

Никогда раньше я не поднималась на второй этаж клиники Рассела и потому, когда он провожал меня после осмотра в бокс, смотрела по сторонам во все глаза, немного отвлёкшись от мыслей о Никите и будущем ребёнке. Хотя поймала себя на том, что невольно выдохнула с облегчением, что видимых причин для беспокойства нет. О том, как отразится на сыне — я откуда-то знала, что родится мальчик — моё пребывание в заповедье, старалась не думать. Да и этот преследовавший меня в пустоте бессознательности голос любимого мужчины, часто звучавший потом и в этой реальности, меня подсознательно тревожил. Я боялась, что свихнулась, но многочисленные тесты, которым подверг меня психотерапевт и Джейкоб, показали мою полную адекватность. Самое основное, что мне прописали: полноценный сон, прогулки, положительные эмоции в кругу близких людей, чтобы избежать нового стресса, хорошее питание, витамины и, чему я удивилась, новые впечатления и занятие любимым делом.

Только я сейчас сомневалась во всём. Сон? Я плохо спала, потому что мне снился горящий «Голубь» и вздрогнувшее от взрыва здание аэропорта. Еда? Не было аппетита. Картошка и клюква казались одинаковыми на вкус. Прогулки? Где? В Центральном парке? Он только кажется огромным, а на деле эти три с половиной квадратных километра никак не скрывают вид на небоскрёб, увенчанный пентхаусом Ники-

ты. Круг близких людей? Сейчас меня окружали друзья Никиты. Стэйра словно уступила им приоритет. Да и слушать её восторженные рассказы об очередном ночном увлечении сейчас было выше моих сил.

В этом городе — самом огромном на планете — мы с Никитой не были почти нигде, но каждый шаг напоминал только о нём. В каждом манекене я видела его: так же повернута голова, отставлена нога, застыла улыбка... Матово-синий, почти чёрный цвет уже давно принадлежал только ему, и так много его вокруг оказалось — в покраске авто, на клумбах, на рекламных щитах, в одежде прохожих — что я уже не замечала, как из глаз начинали струиться слёзы. А от ярких огненных вспышек на лайтбоксах я просто внутренне шаркала, мгновенно вспоминая о взрыве и словно в замедленной съемке оседавших вместе со мной на землю ошмётков «Голубя».

— Проходи, Несс. Это самая лучшая палата в клинике, она всегда пустует, но оборудована уютно.

Это на самом деле была какая-то особенная палата. Все остальные просто разделялись между собой тонкими глухими перегородками и отделялись от широкого коридора стеклянными стенами с приятного теплого цвета светлыми жалюзи. Только кабинеты врачей скрывались за обычными стенами и дверями, как и санитарная часть.

И вот эти больничные апартаменты. В них оказалось три комнаты: небольшая для отдыха с плазмой на стене, кожаной

мягкой мебелью и балконом, выходящим на шумную Пятую Авеню, еще одна — обычная спальня с широкой кроватью, столиком около неё и шкафом-купе, и третья — больше похожая на рубку космического корабля из фантастического фильма с креслом-трансформером анатомической формы и каким-то подвижным оборудованием.

— Что это? — спросила, обводя взглядом мониторы, сенсорные панели, реанимационную установку, огромный овальный прибор, на членистой мощной лапе державшийся под потолком над креслом. Встроенные точечные светильники подсказали, что это за машина.

— Это оборудование из научного центра Ника... — пояснил Рассел. — Может быть, не следовало тебя селить именно сюда...

— Нет-нет, я всё равно хотела с тобой поговорить, как это... происходит, — перебила, но не смогла подобрать нужное слово.

Но мужчина понял меня:

— А я собирался рассказать. Ты должна понимать мотивы его поступков, потому что выглядят они... не совсем хорошо. Вернее, иногда совсем не хорошо, и... Несс, может быть, попросим Экена приготовить что-нибудь? Честно сказать, еда у нас тут хоть и съедобная, но всё же больничная.

— Я не против. Но не хочу есть, — пожала плечами. Вряд ли я распробую и оценю сейчас говядину в клубничном соусе или индейку с виноградом. Подумав об этом, встрепенулась:

— А когда у меня начнётся токсикоз?

Рассел улыбнулся мягко, подошёл и положил мне на плечо руку, легонько сжал, чуть наклонившись и заглядывая в глаза:

— Я понимаю, почему он замкнулся на тебе.

— А я на нём? — выделила себя.

Да, я на Никите замкнулась — горько усмехнулась — иначе бы в психушку не загремела.

— Вы два идеально подобранных сообщающихся сосуда.

Он просто сказал, а у меня сердце оборвалось...

— ...уже прямо вижу название подарочного издания в трёх томах: «История сообщающихся сосудов в смс»! — Я фыркнула, а Ник чмокнул меня в щёку: — Ничего смешного, маленькая, так и есть. Ты наполняешь меня собой, я наполняю собой тебя. Если ты сегодня можешь дать только десять процентов себя, то я выкладываюсь на девяносто, и наоборот — но всегда только сто процентов. Иначе отношения не строятся — запомни это, моя Несси. Главное, чтобы не было всегда десять на девяносто...

— Сколько сегодня тебя? — прошептала, повторяя заданный тогда Никите вопрос.

— Нужно выравнять баланс, маленькая... — ответила за Никиту память...

[1] Спидкубер — так называют людей которые собирают кубик Рубика на скорость.

Глава 4. В жизни, которой я не жил, всё оказалось не так

— Как раз собирался заглянуть на ужин.

— Тогда вези его с собой.

Россия, Москва

До «Афимолл Сити» добрался быстро, побродил по этажам, знакомясь с представленными брендами. Удовлетворённо вздохнул, увидев знакомую линию «Abercrombie & Fitch», вошёл в бутик и отдался в руки местного стилиста. Выглядел я чуть лучше Лёхи: дико оброс, похудел, под глазами пролегли тёмные круги, а тонкие морщины выдали возраст с довеском. Но девушка в салоне улыбалась мне искренне, тонко и уместно шутила и не обращала внимания на мои ужасно длинные ногти и непослушные патлы. Я привычно подошёл к джинсам, но стилист ненавязчиво склонила меня к рубашкам, брюкам и туфлям, подобрав полный гардероб в полуделовом стиле в непривычных мне цветах.

— Смотрите, как идеально согрел взгляд кирпичный и охровый. Вот эта куртка снимет напряжение делового облика. Сюда одинаково подойдёт строгое полупальто и вот это...

Она сняла с вешала куртку строгого силуэта спортивного покроя очень тёмного, ближе чёрному, насыщенного цвета хаки. Когда я всё же взял пару синих джинсов, девушка

сменила их на иссиня-чёрные и приложила к ним бело-голубую, чёрную и бордовую рубашку. Я мысленно усмехнулся — эта страна начала меня ломать ещё в полёте, а сломав, ввела в курс местной жизни устами бомжа, теперь вот снесла напрочь привычный имидж, и — я был уверен — внутреннее моё содержание тоже полностью перезагрузится стараниями Макса.

Через два часа вышел из бутика и направился в салон красоты, оставив покупки, чтобы привели в готовый к использованию вид и позже доставили в мои апартаменты. Запонки, галстуки, ремни и прочее я оставил выбрать стилисту. А вот что сделать с волосами и бородой — уже знал точно.

«Измени причёску — изменится жизнь» — действует одинаково на женщин и мужчин, поэтому ровно через три минуты я уже торчал у стойки администратора в салоне красоты.

— Добрый день, чем можем быть полезны? — Несмотря на мой явно непрезентабельный вид, девушка сияла улыбкой и сочилась доброжелательностью.

— Стрижка волос и бороды, депиляция, массаж и маникюр с педикюром.

— Сейчас свободна Ирина — лучший в городе мастер ногтевого сервиса, но... вы у нас первый раз... — Я дёрнул бровью — девушка приятно удивила! — ...Должна предупредить, что она очень своеобразный человек... — закончила администратор уже тише.

— Пилит ногти по локти? — я ухмыльнулся и чуть не поперхнулся, услышав в ответ:

— Ну... практически.

— Беру! Ведите! — стукнул пальцами по полированной столешнице ресепшна, ставя точку.

Девушка выпорхнула ко мне и быстрым шагом проводила вглубь салона в кабинет загадочного мастера.

— Мне нужно всё, — сообщил, с любопытством рассматривая мастерицу.

В черных джеггинсах и футболке, высокая, с густыми каштановыми волосами до лопаток, завившимися на концах, с большими карими глазами и чувственными губами красивой четко очерченной формы она оказалась привлекательной. Длинные ресницы, четкий овал смуглого лица, красивый лоб и изящная шея, длинные руки и ноги, аппетитная попа и грудь... И взгляд — открытый, уверенный, не расточавший ни неприязнь, ни доброжелательность. Она не улыбнулась, не нахмурилась, лишь жестом указала мне на кресло и села за стол. Я устроился напротив и протянул обе руки. Ирина взяла их, внимательно рассмотрела, налила в ванночку воду и опустила в нее мои пальцы.

Она действительно оказалась отличным мастером, хотя довериться ей, это как прокатиться на американских горках: на первый взгляд небрежная манера обращения с моими пальцами заставляла адреналин выплёскиваться в кровь литрами, но девушка не то что не порезала, даже не кольнула

меня, хотя ей хватило ровно полминуты быстрыми движениями отхватить кусачками мои неприлично отросшие ногти. Такой манерой она напомнила мне Теренса — иллюзия небрежности скрывала высокое мастерство. Я словно побывал в нирване, когда она массировала кисти рук, ступни и каждый палец из двадцати. Горячее парафиновое обёртывание окончательно примирило с нудной моросью за окном, захотелось бабушкиных котлет, манной каши и...

— Ирина, а вы умеете готовить? — спросил вкрадчиво, вкладывая в слова намёк. Я уже засунул розовые и мягкие, как у младенца, пятки в носки и обувался. Девушка, снова закладывая инструменты в стерилизатор, обернулась и впросительно вздёрнула бровь. — Я бы отведал борщ в вашем исполнении.

— Напрашиваетесь? — усмехнулась, и я впервые услышал её голос.

— Зазываю, — возразил.

— А-а... — протянула, кивнув, — это всё объясняет. — Доброжелательность с её лица словно ветром сдуло. Холодным тоном она поинтересовалась: — Я могу что-то ещё для вас сделать... в профессиональном плане?

— Простите, Ирина, и в мыслях не было. Только борщ!

— Фуд-корты этажом ниже.

Она отвернулась, а я, растерянный, позорно ретировался в руки косметолога, а потом, лишённый проклюнувшихся волос на яйцах и лобке, попал и в вотчину брадобрея.

Мне никогда не приходилось знакомиться с девушками и уж тем более вести с ними какие-то беседы. Снова пожалел, что изучил вдоль и поперёк Камасутру, но понятия не имел, как развлечь женщину. Болтливым я затыкал рот членом, некрасивых поворачивал к себе спиной, а красивыми любовался, пока трахал. Я привык, что мои желания исполняются, мои приказы выполняются и вообще все уже налажено, и каждый без лишних слов знает, что мне нужно.

В жизни, которой я не жил, всё оказалось не так. Я оказался к ней не готов.

— Тут очень много... — сообщила мне администратор салона, выдирая из размышлений на тему «как не облажаться в следующий раз, зачем он — этот следующий раз — мне нужен, и с какой стати меня задела холодность Ирины»? Ответ я знал — он уже мелькнул сделанным выводом, но мне не нравился. — У меня не наберется сдачи.

Я нахмурился и сфокусировался на девушке:

— Вы на дому ногти пилите?

— Да, конечно.

— А могу я увидеть график Ирины?

— Да, вон там.

Я подошёл к электронному помощнику. Ира работала шесть дней по восемь часов в плавающем режиме. Интересно, когда она живёт? Или, как и я, почему-то топит себя в работе? Я вернулся к ресепшну:

— Запишите сдачу на мой счёт.

США, Нью-Йорк

Рассел оставил меня одну до вечера — сегодня он вызвался дежурить, подозревала — чтобы не оставлять меня одну. Меня не запирали в стационаре, я могла выйти погулять, но никуда не хотелось. Постояла немного на балкончике, села на тёмно-коричневый удивительно мягкий диван, обтянутый нежной на ощупь натуральной кожей, обвела взглядом комнату: кобальтовые шторы и мягкое покрытие на полу, шерстяной плед и чехлы на подушках в коричневую и синюю клетку с освежающими бежевыми и голубыми полосками, точечные светильники рассеивали прохладный голубоватый свет, дополненный мерцавшей на плазменном телевизоре заставкой спокойного, судя по цветам — иссиня-чёрному и индиго, — Карибского моря. И мне самой здесь было удивительно спокойно, процессы в организме словно замедлились, что стало даже зябко от морозного оттенка света.

Обстановка напоминала кабинет Никиты в пентхаусе.

Я сразу поняла, что Рассел решил положить меня в его бокс. Ожидала увидеть что угодно, но не целую комнату, забитую оборудованием для исследования деятельности мозга: система для магнитной стимуляции альфа-вспышками, хроматографы, сканеры, 3d-принтер, доплерограф, аппарат транскраниального воздействия током... На всё это Никита возлагал надежды, разрабатывал со своей командой, чтобы утихомирить свою похоть... и всё равно ушёл глубоко в

ароматерапию. Видимо, уже не надеясь на технический прогресс, ища помощи у природы.

Раньше я воспринимала проблему Никиты интуитивно, а сегодня, когда увидела полтора десятка приборов, меня просто оглушило.

Теперь я понимала его отчаяние.

И на свой шампунь от похоти больше наивных надежд не возлагала.

Россия, Москва

Щелчок по носу не умалил голода, и потому сразу после салона красоты я забрёл в продуктовый гипермаркет. Ходил по рядам и так и не положил в корзинку ничего. Всё здесь отличалось от привычных продуктов, а ориентироваться на цены не значило получить качественную еду. С минуту таращился на цыпленка-гриль, понимая, что эту пахнущую непонятно чем отраву есть точно не смогу. Готовая еда вообще не вызывала доверия, особенно когда из кухни противни с ней выносили повара в грязных фартуках. Они не моют руки, а только вытирают их о свою униформу?!

Рука сама потянулась за «Чёрным алмазом», а палец ткнул на иконку быстрого набора номера.

— Мне нужен гид по продовольствию, — сообщил, не здороваясь.

Я игнорировал и это правило этикета: вежливость между знакомыми людьми заключается не в приветственных фра-

зах, а во многих других нюансах.

— Как раз собирался заглянуть на ужин.

— Тогда вези его с собой.

Макс только хмыкнул и завершил вызов.

Я взял плитку горького шоколада знакомой марки и прошёл на кассу, а потом долго стоял, облокотившись на перила, и рассматривал атриум. Сердце привычно заходило в тахикардии, пульсация в висках крушила череп, общая слабость каруселила перед глазами огни торгового центра. Я знал это состояние — предвестник близкого цунами, который сорвёт крышу.

Я слишком долго не трахался.

Прикрыл глаза, сосредотачиваясь на звуках ненавязчивой музыки, мысленно ныряя в прорубь. Но воображаемая пуга настойчиво сменялась золотыми вспышками, словно я смотрел в глаза моей девочки — отражённый витринами свет многочисленных лайтбоксов и вывесок проникал даже сквозь закрытые веки. Всё начинало раздражать, в голове словно разрасталась шаровая молния, и её разряды-щупальца прошивали тело, мышцу за мышцей, целеустремлённо подбираясь к паху.

Мне нужно было уйти отсюда, пока я ещё мог держать член в узде, потому что ещё немного...

Быстрым шагом вышел на улицу и полной грудью хапнул сырой воздух, подставляя лицо мороси. Дышал глубоко, как показывал когда-то Джейк, мысленно поднимая выше и вы-

ше почти добравшееся до яиц щупальце злобного мозга. Иллюзия, дававшая такое же иллюзорное послабление — мозг не обвести вокруг извилины.

Звонок телефона заставил вздрогнуть. Вытащил его из кармана и не глядя ответил:

— Я.

— Добрых суток, сын, — услышал тёплое даже без тени претензии. Герман звонил каждый день, но я лишь сбрасывал звонки и не перезванивал на пропущенные — я горел в агонии и не мог впустить в неё кого-то ещё. А когда она исчерпалась и сменилась глухой тоской, неожиданно был рад услышать его. Особенно сейчас, когда больше всего нужен был якорь в этой реальности. — Как ты?

— Жив.

— Живи на всю катушку, сын, ты отлично поработал! Я вник в дела и, надо сказать, восхищён! На западном побережье через месяц открытие первой клиники. Мэг и Аиша добираются маршрутом поезда здоровья.

Этот вопрос мы обсуждали с командой на последнем совете в Майами.

— Таймлайн?

— Семь месяцев.

— Я уже вернусь. Пришли мне ссылки на резюме. В Штатах недостаток врачей нужной квалификации.

— Рассматриваем кандидатов из Канады, Мексики, Европы и России.

— России?

— Почему удивляешься?

— Просто я вижу эту страну прямо сейчас и очень сомневаюсь...

— У тебя есть шанс лично встретиться с кандидатами.

— Логично. К тому же я не против прокатиться по Европе.

— Слышал, Москва плывёт, а на днях резкое похолодание. Одевайся теплее, сынок.

— Ты интересуешься прогнозом погоды?

— Всем, что связано с тобой.

Мне стало неловко сейчас снова отвергать заботу отца, поэтому я решил сменить тему:

— Расскажи, как продвигается «следствие»...

США, Нью-Йорк

Год, два месяца и одиннадцать дней. Ровно столько отметил депрессии дневник Рассела. Врач оставил мне потрёпанную толстую тетрадь, когда уходил вчера после нашей долгой беседы о Никите. О том, как мой любимый мужчина парил друга в русской бане на Аляске, о его неудачных проектах — меня интересовали именно они, о его последних разработках, на которые он снова возлагал надежды — цвето-, звуко- и аромапунктуру для стабилизации эмоционального и физического состояния.

Никита усложнял себе задачи, искал, чем заинтересовать

свой мозг.

Теперь я понимала всё: его срывы и дикое чувство вины; его потребность держать меня рядом и трахать, едва возбуждение становилось слишком навязчивым; его *«побежишь на аборт как миленькая»*, *«мне всегда будет мало, и однажды я убью тебя»*, *«что ты знаешь о спокойствии?!»* — каждое слово Никиты, жест, поступок, взгляд... Ту ярость в глазах, что сменялась щемящей теплотой — потому что он ненавидел зависимость от меня, которая рождалась вместе с любовью ко мне. Потому гнал, расстелил мне красную ковровую дорожку и снабдил всем, чтобы я добилась успеха. Потому взял с собой в деловую поездку — показать, что знает все мои мысли, и преподать урок на будущее, ведь не зря он охотно и подробно отвечал на мои вопросы о работе с командой, о том, как ладить с людьми и достигать нужного результата, о том как не лидеру стать им. Каждый день с Никитой, каждое событие, каждое слово — всё было уроком.

— *Я ничего не делаю просто так, Несси...*

И даже тот вечер, когда он заставил меня изнывать от возбуждения в компании нескольких мужчин, центром внимания которых стала я — это была попытка дать мне почувствовать хоть мизерную долю того, с чем он жил. Я ведь поняла это тогда, но не могла знать, насколько *чужая боль не болит, пока не становится твоей болью...*

И его вопрос...

— *Скажи, что мне делать, Несси...*

...сейчас обрел несколько оттенков.

Джейкоб был прав. Я — эгоистка, которая решила, что знает лучше самого Никиты, что ему нужно. Что ему доступно «...в горе и в радости, пока смерть не разлучит нас...» Я слышала и не слышала, когда он говорил *«оставь мне мою кашу»*...

Он остался в этой своей каше, вытолкнул меня из своей жизни, сжёг все мосты.

Но перед этим сделал всё, чтобы я смогла добиться успеха. И я уже простила ему ту встречу с Сэмом. Никита научил меня любить себя, а Джейкоб — смотреть в лицо своим страхам. И та поездка в Хартфорд... она была только ради этого. Никита не забыл, что я ему сказала о Сэме в наш первый день. Лишь пара фраз, короткий эпизод жизни — но он не забыл, не простил, помог...

Слёзы лились из глаз на страницу открытого дневника с ужаснувшими меня строчками: «...Ник по-прежнему не хочет разговаривать, ничем не интересуется и повторяет одно и то же:

Там хорошо.

Там ничего не болит.

Там ничего не хочется...»

Меня колотило как в ознобе, и все те ощущения чего-то потустороннего, которые обрушил на меня мой мозг в сурдокамере в космическом центре NASA имени Джона Кеннеди, ожили сейчас. Непослушное тело колотило, руки вцепи-

лись в старые страницы, я снова слышала тихий зов...

Несси...

Только Никита знает, как страшно в пустоте... и как

Там хорошо.

Там ничего не болит.

Там ничего не хочется...

Никто, кроме него, не мог вытащить меня из нигде. Он снова держал меня крепко. Я шла на его зов, возвращалась к жизни. Мне дали стимул для нее — сказали, что Никита жив... А вот сейчас положили в его медбокс и вручили в руки толстый дневник совершенно непонятных записей о его состоянии: цифры, назначения, показатели приборов и результаты обследований... И только одна понятная до спазма в сердце короткая заметка:

«...Ник по-прежнему не хочет разговаривать, ничем не интересуется и повторяет одно и то же:

Там хорошо.

Там ничего не болит.

Там ничего не хочется...»

— Зачем? — спросила вошедшего в бокс Рассела. — Раннее утро после бессонной ночи не радовало, я не понимала: — Что мне делать теперь? — спросила шёпотом.

— А что собиралась? — спросил врач, понимая, что я не об этой минуте.

— Теперь уже неважно...

...всё то, что я собиралась делать. Что я собиралась ждать

Никиту, жить в квартале Гринвич-Виллидж в доме, который он мне подарил, чтобы меня легко было найти...

Теперь всё это стало неважно. Потому что ничего этого не будет. И не нужно было принимать в дар этот дом и Центурион с привязанным счётом, пополненным на немыслимую сумму — пять миллионов!

Прав был Сэм: я — глупая курица. Вообразила, что смогу этим всем спокойно воспользоваться, что заслужила тем, что понимала Никиту...

Я ничего не понимала. И его не понимала. Почему я решила, что любовь к Никите оправдывает мою меркантильность, что всё это — дом и деньги — *мелочи, которые лишь облегчают жизнь, позволяют исполнить мечту?*

— А что изменилось, Несси? — помолчав, спросил Рассел.

— Всё изменилось... — ответила. — Разве не для того ты положил меня в его бокс, дал свой дневник? Не просто же так?

Врач кивнул чуть заметно и быстро погасил мелькнувшее в его взгляде непонятное мне удовлетворение:

— Не просто. Ты должна понимать Ника, чтобы вырастить его ребёнка достойным приемником его бизнес-империи. Нельзя, чтобы дело всей жизни Ника закатилось, его проекты нужны людям... — Мужчина осёкся, встретив мой гневный взгляд.

— Я что, инкубатор, что ли? — прошипела, ошарашенная

откровениями друга Никиты. — Пусть сдаст сперму, и сотня женщин родит ему сотню приемников!

— Охотницы за капиталом? — хмыкнул Рассел. Сегодня он меня удивлял. Это словно был совсем другой человек, настолько циничный, что его холодными рассуждениями обморозило до корки на душе. — Только любящая мужчину женщина способна воспитать своего ребенка достойным продолжить дело жизни его отца!

— Расс! Ты себя слышишь?! — вскочила я с постели, уронив с колен дневник и запустив пальцы в волосы. У меня просто в голове не укладывалось, мозг вскипел от возмущения! — Это же... это *не* этично!

— Разве? — на губах мужчины мелькнула насмешливая улыбка. — Я сделал всё, чтобы ты смогла забеременеть. Ты сама этого хотела — ребёнка от Никиты. Это правильно и понятно — желать родить от того, кого любишь. А в твоём случае это такое же чудо, как если бы по небу плавали киты. Что же неэтичного в том, что я выполнил то, ради чего давал клятву Гиппократу?

— Потому что цели твои...

— Мои?! — повысив голос, перебил Рассел, с усмешкой вздёрнув бровь.

Я замерла... А когда ступор от вперившихся в меня глаз мужчины отпустил, ошеломлённо переспросила:

— Ты считаешь... я хотела ребёнка от Никиты ради... чтобы...

У меня не было слов. Я бы испепелила этого нахально-го друга любимого мужчины, если бы прямо сейчас мозг не жгла мысль, что так это и выглядело. И что Никита не просто так запрещал себе иметь наследников — я ведь уже и сама это поняла. Но вот так просто брошенная в лицо правда выглядела настолько неприглядной и такой же циничной, что я сама осела на постель серым пеплом.

— И я дал тебе то, что ты хотела. **Ты** хотела, Несси! Потому что любишь его, он любит тебя. И сколько бы он от себя ни бегал — не убежит. Да, я, возможно, «превысил полномочия», — выделил он фразу голосом, — но не сделал ничего, что разрушило бы жизнь твою, твоего ребёнка и моего друга! Но решать тебе. И если ты намерена сохранить беременность... — он отступил от двери в сторону и широким жестом пригласил на выход: — ...будь добра сдать анализы и пройти все назначенные тебе процедуры.

Решать, конечно же, было мне. Но разве я могла убить ребёнка от любимого мужчины? Разве я могла рисковать, возможно, единственным шансом иметь детей? Я просто загнала себя в угол. Рассел лишь делал свою работу, был, как всегда, предан дружбе. Но почему-то не оставляло ощущение, что использовал, сделал меня своей сообщницей, пошёл против друга... наверняка впервые.

Зачем? Почему?

Я не знала ответов. И в эту минуту решила бы на аборт. Но принимать такие решения на горячую голову?.. Я и так

наделала ошибок. У меня еще было время остыть и подумать. Может быть, пройти обследование в другой клинике. Без заинтересованных лиц.

Я встала и ошпарила врача взглядом. Проходя мимо него, остановилась и, ткнув пальцем в его грудь, прямо посмотрела в глаза:

— Он тебе этого не простит... — отчеканила. И подумала: «И мне тоже». — А я припомню, — добавила. — И я улетаю домой, в Теннесси, — и пошла дальше.

И показалось, что вместе с шорохом закрывшейся за спиной дверью услышала глубокий вздох облегчения.

— Я напишу тебе направление в нашу клинику в Вудлей-ке...

Глава 5. У каждого свои причуды

Когда знаешь изнанку фокуса, в чудо уже не веришь.

Морось не спасла город от грозы. Тучи исчерпали запас выносливости и обрушились на землю мгновенно и мощно — тонкие злые молнии шипели, выжигая лужи, башни МДЦ накрылись иссиня-цинковой насквозь пропитанной водой ватой облаков. Я вымок до нитки за считанные секунды, пока добежал до парковки в своей башне. Поднялся на лифте, не прерывая разговор с отцом. Наверное, впервые за последние десять лет мы говорили так долго, легко меняя темы, и я не испытывал к нему негативных эмоций. Видимо, нужно оторваться от родителя, лишиться друзей, работы, любимой, привычной жизни, чтобы увидеть в отце того, с кем можно поговорить о чём угодно.

— ...система безопасности не впустит меня на сетевой диск, да и входить со своим паролем нежелательно, — прервал я из-за бегства от стихии возникшую в разговоре паузу.

— Скопировать файлы тоже, — подтвердил отец. — С моим паролем не пройдёшь по IP-адресу...

— Тот самый момент, когда такая мощная защита только мешает, — усмехнулся я. — Нужно организовать утечку, мне нужен доступ к моей папке и финансовым документам.

— Аня? — предложил Герман.

И я хлопнул себя по лбу — ну конечно! Аня — вот кто

даст мне полный доступ! Отец просто включит мой новый
лептоп в домашнюю сеть через VPN-туннель!

Я уже поднялся в квартиру, наследил мокрыми носками
до ванной, и от нее голыми ошкуренными пятками до спаль-
ни — хотелось быстрее сдернуть с себя всё и до приезда Мак-
са принять горячий душ.

— Так и сделаем. До связи, пап.

— Жду сеанса, сын.

Я разделся догола, прихватил чистое и сухое и успел при-
нять душ аккуратно до стука психолога в дверь.

Он вручил мне пакет с продуктами:

— Картошку чистить умеешь?

— Справлюсь, — кивнул.

И мы сразу же принялись за дело.

— Ты на днях упомянул мнемошлем. Я весь следующий
день штудировал новости и наткнулся на твою статью. Ты
пишешь, что можно считать практически решённой пробле-
му болезни Альцгеймера и уже принялся за Паркинсона, но
о результатах упомянул вскользь... — предложил он тему
разговора, пока шинковал лук для жарки.

— Тогда ещё рано было говорить о результатах, была толь-
ко одна игровая программа для паркинсонов, — кивнул я.

— Статья датировалась позапрошлым годом... — подтал-
кивал к диалогу Макс.

— Да, сейчас уже есть результаты. Я в последней поездке
как раз начал набрасывать проект пансионатов для практики

осознанной ходьбы.

— Как это происходит?

— Мы одеваем паркинсонов в специальные костюмы и ставим на беговые платформы. Для них разработаны очки дополненной реальности. Программы многоуровневые, самая простая — пройти по тропе, наступая на плитки определённого цвета. Костюм регистрирует малейшие реакции тела, приложение тут же реагирует — заставляет осознать движение в игре, как пример, раскачивая плитку. Постепенно мозг автоматизирует правильные движения здорового человека. Когда это срабатывает, мозг получает стимулирующую награду. Он не сделает ничего, пока не оценит, что хорошего ему за это будет. Иногда достаточно дать эту мотивацию, чтобы пациент начинал двигаться нормально.

— У каждого свои причуды.

— Да, точно, — умыл лицо холодной водой и принялся за морковь, пока Максим крошил очищенные грибы. — Джейкоб предложил использовать гипноз — мозг не различает фантазию и реальность. Знаешь, иногда мотивации оказывались неожиданными.

Я усмехнулся, вспомнив, как самбо рассказывал об одном пациенте, мотивацией для которого стал обычный серый кролик. Оказалось, что у него была давняя навязчивая идея поймать дерзкого зверька. Всего-то нужно было дать ему эту возможность. Мозг порой чудит.

— Почему это не работает с тобой? — задал ожидаемо

неожиданный вопрос Максим.

— Когда знаешь изнанку фокуса, в чудо уже не веришь.

Если бы на Земле не было гроз, их бы стоило брать напрокат в другой солнечной системе. Пока Максим готовил сырный суп с копчёностями и опятами, я включил камин, сварил глинтвейн и продлил заказ на ливень. Он как раз усилился к тому моменту, как гость разлил по бульонным чашкам густой суп и посыпал его петрушкой и смесью сухариков с острыми специями.

— Ты посмотри только, как штурмует! — кивнул на окно Максим, устраиваясь в кресле перед камином. — Закрытые парковки все забиты, минут десять караулил место, пока одна пара укладывала в багажник покупки.

Отдохнувший дождь порывисто бросался на башни, словно они последний бастион на его пути к хаосу. Город за мокрым стеклом растёкся сюрреалистичной картиной, а я накинул сверху штанов махровый халат и сунул босые ноги в мягкие тапки. Хотя дома и тепло, но от бешеной стихии хотелось оградиться несколькими слоями уюта — ещё свежи были ощущения от текших за шиворот холодных ручейков.

— Гротескно, — подтвердил и уселся в кресло по другую сторону кофейного столика. — В России всё колеблется между трагикомедией и фантастическим алогизмом.

— Не любишь её?

— Не за что. Если сорвать с неё весь глянец чьего-то биз-

неса, останется голытьба и разруха. Страны нет, есть прайд олигархов и их крестьяне. Люди ходят по улицам ветхими оболочками, набитыми множеством проблем. Мировой бизнес должен работать для народа, а здесь он работает против и за счёт него. Уверен, если бы рабство не отменили, ваша элита дарила бы людей друг другу как скот и тягловую силу. Но у того и другого короткий век, а олигархи решили выжать из людей даже высохшие жилы. Я ненавижу эту страну. Ты вот в первую нашу встречу сказал, что надо не как привык, а как на душе — в ад. Я как раз в него и прибыл.

— Ни разу не посещал страну с тех пор?

— Я бы лучше пригласил тебя в Нью-Йорк, но Джейкоб и Армат как спелись — «улетай», «так надо»... Герман поддержал, что удивительно, насел. Никогда раньше он не был таким категоричным. Если бы не улетел сюда, меня бы закрыли в Шоушенке, чтобы не путался под ногами... — Я на минуту задумался, допивая глинтвейн. — Что-то во всей этой истории не так, чувствую нутром, но не могу понять...

— Придёт время — всё узнаешь, — отмахнулся от моих сомнений Макс. — Ладно, Ник, мне пора. Завтра улетаю на несколько дней в Европу по делам бизнеса, но всегда на связи, — гость встал и потянулся, бросил взгляд за окно. — Я в такую погоду люблю Булгакова перечитывать или пазлы собирать.

У меня брови поползли на лоб:

— Пазлы?!

— Кусочки одной картинки.

— Я знаю, что такое пазлы, — усмехнулся.

— Ты уверен? — загадочно иронизировал психолог, ро-
няя в мою душу странные сомнения. Я не был идиотом, со-
вершенно точно знал, что такое пазлы. В чём подвох? — Не
проводжай, — бросил Макс.

*Голые ступни бесшумно ступают по влажной после до-
ждя подстилке селювы. Ночь рисует карту джунглей тон-
ким шлейфом ароматов растений и запахов животных, лю-
дей и дыма. Среди них один, взбудораживший сладостью и
терпкостью... знакомый и волнующий саму суть. Вспрыги-
ваю на толстую ветку, забираюсь повыше и тяну воздух
носом...*

Несси.

*Стекаю чёрной кляксой и рвусь со всех лап на внутренний
зов по проложенному метками коридору. Лапы едва каса-
ются земли, не бег — полёт. И не разобрать — лапы или
ноги, человек или ягуар — всё слилось, пропиталось и пере-
мешалось, всё ощущается остро и тянет вперёд, на грань
обитания. Теряю след и на бегу больно цепляюсь ногой за
расстелившиеся по земле лианы и ловчие сети плотоядной
травы, качусь кубарем, вновь вскакивая чёрным хищником,
ловлю шлейф и, как на поводке, мчусь к ней.*

Несси.

Грудь рвёт и распирает, так что кажется, нити тай-

ных троп не для массивной ширины большого зверя, но отчётливый след и запах, затмивший все остальные, открывает второе дыхание. Вспарываю девственное лоно джунглей, мощной стрелой пронзая их естество, гонюсь за флэром и... теряю силу и скорость... Падаю на живот и, сдирая в кровь до ломающей суставы боли руки, тащу себя к безжизвишему впереди силуэту.

Несси.

Вытягиваюсь в тонкую струну, отрываюсь от звериного тела и не могу оторваться... Знаю, что лишь распавшись надвое, выживу... и потеряю часть себя, затемнею пустотой...

«...пустота даёт свет и выход...»

Несси!

Отчаянный крик и рык смешались в глотке полузверя-получеловека. Сердце почти не бьётся, затихает, осознавая тщетность погони...

Несси...

Оборачивается и замирает... вскидывает подбородок... Её ноздри расширяются, и сладкие губы цвета какао с молоком чуть дрожат в улыбке. Мягко ступает босыми ногами по узкой тропе, грациозная и манящая, вся извилистая и волнующая.

Несси...

Подходит к обессилевшему, кладёт тёплую ладошку на мокрый загривок... проводит по спине и боку. Переворачива-

юсь на спину, подставляя живот и шею, мурчу от ласкового поглаживания, не отрываясь от её глаз.

— Люби меня, Несси... пожалуйста...

— Люблю... всегда буду любить тебя... Никита...

Нежная ладошка скользит между ушей, по морде, подхватывает подбородок. Она наклоняется, лижу её губы и щеки, шею и снова губы. Мурлычу жалобно, выпрашивая ещё ласку моей королевы. Смотрю в глаза, заливающие меня золотым светом, так что от счастья сдавливает грудь... Улыбаюсь и жмурюсь от радости — нашёл... догнал... моя...

— Люби меня, Несси... пожалуйста...

Она наклоняется и прижимается губами к моему рту, и я обхватываю её руками... но они хватают воздух.

Несси!

Проснулся от рывка, уже сидя на кровати и не понимая, кто я и где. Сердце считало рёбра, легкие будто разорвало в клочья. Растёр ладонями лицо, с трудом осознавая себя. Сон настолько реальный, что город за панорамным окном не сразу укладывался в сознание, я, как животное, ловил ноздрями растаявший с видением запах джунглей. Немного придя в себя, упал в подушки и закрыл глаза, перебирая в памяти уже угаснувшие ощущения. Бродил на грани сна и яви и не знал, зачем просыпаться. Хотелось похоронить этот день в постели, смотреть этот сон снова и снова, чувствовать ее

снова и снова...

Нужно было как-то встряхнуться, выбраться из болота ничегонеделания. Планировал в России поработать с результатами исследования вóмероназального органа[1], которые получил от Мэг... Да много всего собирался. Но в итоге август подкатился к своей середине, душа просила покоя, сердце — любви, тело — секса, а я игнорировал этот триумвират, впрыскивая в настроение дозу равнодушия, круто замешанную на виски с кусками льда. Всё настойчивее прорывалась мысль послать к чёрту всё, вернуться в Нью-Йорк, к Несси.

Но похоть крошила психику, испепеляла выдержку. Я не мог вернуться. И от этого неуловимой тенью снова проскальзывали мысли о суициде. Сколько всего я ещё должен принести в жертву гамартме?! Осталось просто распустить узду и отдать оставшиеся крохи разума. Меня разбирало неуправляемое бешенство, хотелось всё крушить и орать, как будто это что-то исправит. Несси давала мне силы держать себя в руках. Но её нет. Есть только шампунь от похоти и...

Джейк.

Рука привычно потянулась к телефону, палец лёг на кнопку моментального дозвона, и уже через два гудка я услышал:

— Внимательно...

— Спасай, бродяга... — просипел в ответ.

— Дыши, Ник, — мгновенно отозвался Джейк. — Давай за мной, вдох... выдох...

— Я не могу дышать... без Несси не могу, слышишь, при-

дурок?! — заорал. — Я возвращаюсь. К чёрту всё!

Отбил вызов и закрыл ладонями лицо. Нужно успокоиться, взять себя в руки. Я куплю билет на ближайший рейс, вернусь — и гори оно всё синим пламенем! Я не могу без неё! Ни жив, ни мёртв. Сомнамбула без смысла существовать...

США, Нью-Йорк

Звонок управляющего кафе застал меня врасплох, и бронь билета на самолёт пришлось отменить, едва я вышла из кабинета Рассела.

— Мисс Тенесси, у нас возникли проблемы с инкассацией, и могут быть штрафы из-за превышения лимита наличных. И надо менять терминал на привязанный к вашему счёту. Мы теряем посетителей. Пожалуйста, появитесь в кафе срочно!.. Нет договора на вывоз мусора и...

Я не была готова к такому, совершенно ничего не понимала: что делать, с чего начать, за что хвататься... Все прочие мысли ушли на второй план. Управляющий всё сыпал и сыпал вопросы, сообщал о проблемах, требовавших срочных решений, а мне просто хотелось забиться в угол, закрыть голову руками и реветь.

О флаг Америки! Зачем я согласилась забрать это чёртово кафе?!

Меня теперь трясло от страха, что я слишком много на себя взяла, и не знала, кого просить о помощи. Единственный,

кто хоть как-то крутился во внутренней кухне фуд-бизнеса — это Стэйра! Я не была уверена, что подруга знает всё досконально, но если хотя бы подскажет, с чего начинать — я спасена! Мне надо немного времени просто прийти в себя, сконцентрироваться и что-то делать.

Пока набирала номер подруги, подумала, хватит ли выручки кафе решить все проблемы? И мне нужно было где-то остановиться, пока не улечу домой.

— Неська-а-а! — радостно закричала в трубку Стэйра. — Я тебя потеряла! Почему ты была недоступна?! Ну отвечай же! Что ты молчишь?!

— Ты же не даешь вставить даже слово! — снова приложила я к уху трубку, когда она, наконец, замолчала. — Мне очень срочно нужна твоя помощь.

— Моя?! А что надо делать?

— Ты можешь подъехать прямо сейчас в кафе «Olive Tree» на Макдугл стрит? Это на углу Парка Вашингтон-сквер Юг и Запад.

— Мне надо добраться до метро и...

— Возьми такси, я оплачу! Только лети быстро! Пожалуйста!

— Ну хорошо-хорошо! Уже бегу!.. Такси! Такси! — Я услышала душераздирающий звук клаксона — видимо, Стэйра бросилась под колёса машины, чтобы её остановить — потом было слышно, как она сообщала адрес, хлопнула дверца...

Да, подруга умеет быть убедительной и не обращать внимания на пустяки вроде протеста какого-то там водителя... Я невольно улыбнулась. И немного воспряла духом — уж с ней-то мы точно разберёмся со всеми проблемами в кафе.

Стоило о них подумать — настроение снова почернело.

Своё такси я остановила немного раньше — хотела поговорить со Стэйрой до того, как увижу управляющего и на меня снова прольётся ливень вопросов и проблем. Да и подыскать гостиницу поблизости тоже не помешало бы. Когда машина уехала, я обнаружила, что стою в двадцати метрах от браунстоуна, который для меня купил Никита. Я видела его только на видео и фото, которые он показывал, но раньше часто гуляла тут и знала северную сторону Парка Вашингтон-сквер. Мечтала, но никогда бы не поверила, что однажды буду здесь жить...

Тряхнула головой — о чем я думаю?! Я не буду тут жить! Не после того как Сэм смешал меня с грязью, сказав *«Прощай с миллиардером под ручку и решила, что сама чего-то стоишь? Ты без него всё та же курица!»* Потому что так и есть, именно так я и решила. И выдала себе индульгенцию от нытья совести, что взяла и этот дом, и пять миллионов двести тысяч долларов.

И как это выглядит для всех, утром дал понять Рассел. А еще раньше — Джейкоб. А до всего — самая первая — Стэйра. Её на первый взгляд невинное *«Вот это тебе повезло, подруга!»* значило, что «богатого папика надо раскрутить

на полную катушку». Сама бы она так и сделала.

А я разве так не сделала?

В груди глухо мощными, тяжелыми и от того небыстрыми ударами долбило сердце. Оно будто захлебнулось кровью и не справлялось с той порцией адреналина, что выплеснулось от всех этих мыслей. Я сжала кулаки и закусилась до боли губу, сопела, смотря на красивый фасад браунстоуна. Ещё пять минут назад рука тянулась за ключом, а ноги несли к ступенькам у входной двери — хотя бы просто посмотреть, почувствовать, что это могло бы быть моим, представить, как бы я тут жила, посмотреть на вид из окна, может быть, выпить кофе, сидя на нём. Всего пять минут — а перед глазами пронеслось так много, и так много увиделось не так. С глаз и разума будто розовые очки содрали.

Я ведь не придавала значения тому «договору». Это казалось игрой, шуткой, нелепицей. Я, шутя почкой и клитором, подписалась под каждым словом, а Никита выполнил всё до последнего произнесённого вслух звука. Ну и я тоже — разве не удовлетворяла его в любое время в любом месте? Даже — о, флаг Америки! — в Центральном парке посреди белого дня! А эти покупки в аутлете в первый вечер нашего знакомства?.. Он четко обозначил мою цену сразу — три доллара на распродаже никому не нужного барахла! Никита дорого заплатил не потому, что я сама столько стою, он заплатил за свой комфорт!

Горько признавать, но я действительно глупая курица.

Глупая беременная курица.

И как же больно это признавать... Как же стыдно... Рассел прав — я же сама этого хотела, сама об этом его просила...

Я отвернулась от браунстоуна со злыми слезами на глазах. Поискала взглядом знакомую вывеску и решительно направилась купить новую сим-карту. Не хотела, чтобы Рассел или Джейкоб звонили мне. А они будут. Расс — потому что он мой врач...

О, флаг Америки! Никита ведь в добавок ко всему оплатил мою медстраховку на год!

Наверное, весь Нью-Йорк слышал, как я отчаянно взывала.

А через десять минут выходила с новым сотовым номером и телефоном — мои сбережения сохранились, их хватит еще на месячную аренду дешёвой меблированной комнаты и билет на самолёт. К деньгам Никиты я дала себе зарок не притрагиваться.

И на место встречи со Стэйрой на угол Парка Вашингтон-сквер Юг и Запад шла уже совсем другая Несси.

Россия, Москва

Долго не решался позвонить Несси — хотелось появиться перед ней живым и невредимым, но терпения уже не было. Мне необходимо было прямо сейчас услышать её голос, узнать, что у неё всё хорошо...

Узнать, что у меня всё хорошо.

Что ничего между нами не изменилось.

Тронул цифру быстрого вызова, но автоответчик оператора равнодушно сообщил: «You just dialed the number, which is not in use. Please check your directory or dial 0 for assistance»[2]. И в трёхсотый раз — то же.

Внезапно телефон в руке ожил, и сердце оборвалось — Несси! Но, взглянув на имя на экране, горько усмехнулся и ответил:

— Я возвращаюсь.

— Welcome home! И не хочешь узнать, как пройдёт оглашение завещания? Редко кому выпадает удача узнать истинные лица наследников, — иронизировал самбо, ковыряя моё любопытство. — Всего пара недель до раздела пирога, Ник.

Пара недель... Это много или мало?

— Хорошо... — неохотно согласился, хотя уже выбрал рейс на Нью-Йорк и ввёл свои данные для покупки билета — осталось нажать кнопку «Оплатить». — Пару недель я подожду.

Это был последний наш вечер в Майами. Несси закончила флеранжировать над парф-линией и очень жалела, что не успела сделать что-то ещё, а я утешал её, как умел, лаская и балуя, зная, что уготовил для неё на следующий день в Хартфорде. Боль в сердце поселилась уже тогда, напрягала, подкатывала тошнотой и отзывалась в висках.

Моя голенькая нимфа нежилась в джакузи, как карамелька в игристом вине, как золотой узор на чёрном мраморе ча-

ши. Я опустился на дно перед ней и развёл её ножки.

— Вымоешь мне голову шампунем от похоти? — улыбнулся лукаво, дразня клитор любимой пальцами, не сводя взгляд с её губ.

— Не хочу, чтобы он подействовал именно сейчас... — откинула голову на бортник и смотрела из-под полуопущенных ресниц с улыбкой Моны Лизы.

Пузырьки воздуха окружили её груди воздушным ожерельем, остро захотелось подарить моей королеве нитку редкого жемчуга.

— Несь... — простонал и подхватил её грудь, играя с соском, ловя им пузырьки. И кровь пенилась вот так же от желания заняться с ней сексом немедленно, — ну помой мне голову, а? — ткнулся ртом в её грудь, присосался, как клещ, обхватив любимую и перетягивая к себе на руки.

Несси выдавила в ладошку две капли шампуня и запустила обе руки в мои волосы. Приятное волнующее тепло от ласковых прикосновений прошло по телу и передалось воде рябью. Казалось, что это я пускаю пузыри от удовольствия, как слюнявый юнец.

Несси массировала кожу на голове, скользила мыльными ладошками по шее сзади, а сердце заходило от любви к ней, позвоночник продёргивало до основания члена от желания, казалось, что он обрёл стальной стержень и не повесит голову даже к рассвету. А до него ещё как на воздушном шаре до России, и в то же время времени осталось очень мало.

— Мррр... — урчал, закрыв глаза, чуть откинул голову, подставляя губы, — поцелуй меня, маленькая.

Ждал глубокий поцелуй и даже приоткрыл рот для сладкого язычка, а получил... касания, будто крылышек бабочек, выпорхнувших из живота, и лёгкое дыхание, чуть хмельное от её любимого вина «Совиньон Блан 1973 год». Губы Несси порхали по моим губам и вокруг них, по самым краешкам, дополняя ощущения воздушной сказки.

Перед глазами навязчиво вставало видение, как я достаю тоненькое изящное колечко, надеваю на пальчик Несси и прошу стать моей навсегда, и арка из белых цветов, и ряды скамеек с белоснежной ковровой дорожкой между ними, и почему-то звуки этнической музыки майорунов, такие чистые и проникновенные, как сам момент... Это желание пекло грудь, а слова толкались на кончике языка, и пришлось сжать губы, чтобы не вылетели вот так же легко, как эти воздушные разбойники, теперь собравшиеся ниже пояса вокруг упругих округлостей моей девочки.

— Никита... — прошептала она.

— Что, моя сладкая? — спросил почти беззвучно.

— Что ты сейчас хочешь?

Подарить тебе букет из чёрных и золотых роз и такой же жемчуг. Жениться на тебе. И это признание чуть не сорвалось с языка, но ответил я совсем другое:

— Новую жизнь.

Я этого отчаянно хотел.

Её глаза расширились от удивления. А я смотрел на неё и думал, что ей бы очень пошло чёрное с золотом — хоть что: машина, платье, цветы, украшения, бельё, комната... Почему я не подумал об этом, когда готовил ей дом? Чёрное и золото — это шикарная оправа для моей красивой девочки.

— А что хочешь ты? — прошептал, касаясь её губ дыханием.

Она почему-то смутилась и покрылась пупырышками:
— Новую жизнь...

[1] Во́мероназа́льный о́рган (ВНО, вомер) — отдельный рецепторный орган, связан напрямую с зонами гипоталамуса, участвующими в регуляции сексуальное поведение и выработки сексуальных гормонов.

[2] Перевод: «Вы только что набрали номер, который не используется. Пожалуйста, проверьте ваш каталог или наберите 0 для помощи».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Репертуарная матричная реконструкция

— Распечатываешь рецидив?

— Тебе лучше не знать.

— Страшный ты человек, Джейкоб Карриган, — покачал головой Расс. — Не могу даже предположить, что ещё ты попросишь меня сделать.

— У меня все ходы расписаны...

Глава 6. Сатир должен умереть

Если мир не хочет получить нового сексуального маньяка, я должен кого-нибудь трахнуть. Или спятить.

США, Нью-Йорк

— Так это твой миллиардерчик поджарился?! — воскликнула Стэйра, и я еще не успела ничего ответить, как она неприятно ошарашила: — Неплохо ты девственность пристроила, подруга! А я-то всё думала, что ты из себя недотрогу ломаешь, а оно вон что!

— Стэйра! — воскликнула я, пытаюсь пресечь её желчное словоизлияние, хватаясь за виски и на несколько секунд прикрывая глаза — перед ними от того, что несла девушка, сначала полетели чёрные мухи, а потом всё вдруг закрутилось. Мне до тошноты стало плохо от её слов, я сглотнула и с трудом пропихнула из вмиг пересохшего рта: — Что ты такое говоришь...

— А что я не так говорю, а?! Gold digging whore! [1] Месяц покувыркалась с богатеньким — и в шоколаде! Кафе, вон, отхватила! На кой оно тебе вообще сдалось?! Нашлась тут золотая пискля! У меня просто нет слов, какая ты лживая шлюха!..

У меня тоже не было слов. Мне бы что-то сказать, но я словно онемела с ног до языка, только тошнота бурлила на подступах к горлу.

О, флаг Америки! Если бы я только могла предположить, что подруга окажется такой мелочной завистливой дрянью! Уже тихо радовалась, что не сказала ей о своей беременности и что Никита жив — Джейкоб строго-настрого запретил об этом даже думать. И про счёт на пять миллионов и дом утаила — как кто свыше отвёл. Но я не говорила и о том, кто мне отдал кафе — Стэйра сама додумала.

— ...Слу-у-ушай, дорогая! Так это ж золотое дно! — никак не могла она успокоиться. — Ты только представь, как на его смерти можно заработать! Я так и вижу громкие заголовки: «Последний любовный полёт миллиардера!» или «Как Никита Соломат девственность покупал», а ещё лучше «Накрылся золотой пиздой!» ил...

Я сама не поняла, как впечатала в её лицо с размаху ладонь, аж самой от хлёсткого удара обожгло руку. Стэйра как-то странно хрюкнула, словно подавилась словами, и вылупилась на меня в шоке. А я испугалась своей с ней откровенности и злилась на себя, что выложила подробности наших с Никитой отношений. Это ужасно некрасиво, а из-за того, что он не среднестатистический американец, а человек, за которым ревностно следит пресса, тем более сейчас, когда делали инфоповод из всего, что с ним связано — это совсем плохо.

О, флаг Америки! Да за что мне всё это?! Какая же я глупая курица!

Жизнь просто слетела с катушек, будто вместе с «Голу-

бем» сгорела моя удача. Наверное, стоило остаться до конца своих дней в психушке, судьба уже вычеркнула меня из своего списка и никакие не то что блага, а просто спокойные моменты мне уже не полагались. Она уже разлиновала чистый лист для кого-то другого и теперь мстит за то, что снова живу.

— Только попробуй это сделать! — процедила яростно сквозь зубы, сунув Стэйре в лицо фак. — И я тебе такую жизнь устрою, что Земля адом покажется. Поняла?! — почти выплюнула, наклонившись и едва не касаясь своим носом её.

Она оттолкнула меня и окинула прищуренным взглядом, от которого под кожей медленно пополз озноб нехорошего предчувствия:

— Да пошла ты! Целка бриллиантовая!

Она развернулась на каблучках и, всё ещё прижимая к щеке ладошку, пошла прочь.

Я потрясла своей ушибленной рукой — она горела огнём. Нетрудно представить, что чувствовала Стэйра. Я зло усмехнулась — похоже, у неё вылезет синяк на пол-лица. Быстро зашагала из Парка Вашингтон-сквер, где мы прогуливались, пока я ей исповедовалась, и вошла в кафе.

Управляющий с мученическим видом что-то пытался объяснить разгневанному гостю. И просиял, как только увидел меня:

— Мисс Тенесси! Вот я говорил — нет у человека налич-

ных, а у нас нет договора эквайрингового обслуживания...

— За счёт заведения, — перебила я мужчину и кивнула недовольному гостю, стоявшему с кредиткой в руке. — Прошу простить за временные неудобства. Выберите напиток в подарок или можете взять еду на вынос — бесплатно, в качестве комплимента от заведения. — Перевела взгляд на управляющего — он раздражал меня ещё с того дня, как я пришла сюда перед роковым полётом «Голубя». Какой-то излишне суетливый, услужливый, а эти его истерики с наездами вообще оставляли двойственное впечатление, будто ему есть что скрывать. В голову пришла мысль, что Никита был прав, когда сказал, что его нужно уволить в первую очередь. Я повернулась в зал — гостей сидело около десяти человек, лишь пара мужчин что-то выпивали, остальные с бизнес-ланчем. Громко три раза хлопнула в ладоши и громко объявила: — Прошу минуточку внимания! Всё, что сейчас у вас на столах — за счёт заведения! Прошу побыстрее закончить ланч — кафе закрывается! — и повернулась к управляющему: — Принесите мне на последний столик все просроченные договора. Будем разбираться...

Россия, Москва

Едва утром проснулся, дотянулся до сотового и позвонил Несси. Но оператор заученно повторял одно и то же: «You just dialed the number, which is not in use. Please check your directory or dial 0 for assistance». Я терялся в догадках — что

случилось? Несси заблокировала номер? Почему? Что там, чёрт возьми, происходит?!

Сел на постели, потёр лицо ладонями, разгоняя кровь, чтобы быстрее проснуться. До оглашения тринадцать дней. Хоть в календаре красными крестиками зачеркивай. Сердце отбивало аритмию, давление упало в трусы, мозг опустел — мне нужна доза антидепрессо и тёплое тело любимой девочки. Как продержаться до встречи с ней? Где она? Что за ерунда происходит с её номером?

Шампунь не глушил, а возбуждал. Мастурбация в душе по утрам — почти ритуал, но уже мало успокаивал. Неудовлетворение копилось, яйцам всё время было тесно, головку ломило, штаны трещали. Нужно было что-то с этим делать. Продержаться месяц без секса — для нормального человека в порядке вещей. Для меня — чревато психосоциальным расстройством. Если мир не хочет получить нового сексуального маньяка, я должен кого-нибудь трахнуть. Или спянуть. Ни первый, ни второй вариант меня не устраивал. Но я не хотел никого, кроме Несси. Умом. Телу плевать кого еб... — Отказать...

Закинул в рот антидепрессант и догнался таблеткой липолиевой кислоты и парой капсул витаминного комплекса. Натянул спортивные штаны и футболку, на ноги — мягкие борцовки, взял клубную карту и поднялся в фитнес-зал, расположенный этажом выше.

— Доброе утро... Никита Германович, — бросила сухо

девушка, взглянув на мою карту.

— Доброе.

— Могу я предложить вам белковый коктейль или массаж?

— Не дави из себя любезность с утра пораньше.

Повернулся, чтобы пойти в зал, но услышал:

— Пф... Не дождётесь! Мне проценты за это капают!

Я сначала опешил, потом усмехнулся:

— Тогда запиши на мой счёт пару порций и предложи тем, кто их никогда не берет. Угадаешь со вкусом — получишь новых клиентов. Но есть одно условие...

Я оскалился, не в силах сдержать лукавую улыбку, и завис на паузе...

— Что за условие? — наконец, после пары секунд раздумий осторожно спросила, вздёрнув красивую узкую бровь.

— Массаж мне сделаешь.

— А сто грамм секса с собой не завернуть?! — фыркнула так возмущённо, что я снова чуть не поперхнулся приступом смеха.

Девушка смотрела на меня нахально, ни капли не смущаясь своей выходки.

— Сто грамм?! — переспросил, ухмыльнувшись. — Нет, мисс, боюсь, столько не потяну.

Я отвернулся и пошёл к тренажёрам, недоумевая, как умудрился в огромной стране напороться уже на вторую девушку с острым язычком!

Хотя о напоротьях и язычке лучше вообще не думать.

Немного разогрелся, встал на беговую дорожку и включил канал BBC News на плазме напротив. Датчик считывал мой пульс, скорость, шаги, сожжённые калории и расстояние, а на большом экране транслировался обзор новостей. «Миссия Демо-2 стартовала с мыса Канаверал...», «Кто такой Дональд Трамп?», «Протесты против расизма и произвола полиции...», «Культ тела и бразильская подтяжка ягодниц», «Секс, скальпели и липосакция», «"Умный город": как Нью-Йоркская мэрия следит за жителями»... Что-то ещё говорили и показывали, я узнавал улицы Манхэттена и вдруг поймал себя на мысли, что ищу за репортёром на заднем фоне...

...Несси.

Я бежал, бежал, бежал... Бежал всё быстрее по улицам экранного Нью-Йорка, выискивая в толпе её лицо и точёную палисандровую фигурку. Бежал к Несси, стремясь удовлетворить эту сиюминутную потребность лететь к ней прямо сейчас, а не вычеркивать дни до вылета домой. Бежал к ней, потому что она — мое высшее наслаждение, самые отвязные фантазии, самые откровенные желания... оргазм самой моей жизни. Мы были вместе так мало, но она значила для меня так много...

Бег не помог сбросить напряжение, я взялся за штангу, выгонял кровь из нижней головы в верхнюю. Время застыло, воздух сопротивлялся, пахло железом, потом и кровью —

прокусил губу, но все равно не сдержал натужного рычания. Я был на грани... Срывал мышцы, чтобы не сорвало психику. Последний жим был особенно тяжёл. Гриф штанги гнулся, а мои руки уже нет.

Я выжал груз. Неподъёмный. Против всех возможностей человеческого организма. Мог попасть в книгу Гиннеса, но это моя личная победа. И она, хоть и вымучила, но вселила уверенность — я могу. А значит — сделаю.

Сатир должен умереть.

США, Нью-Йорк

В кафе я просидела допоздна, и этот день не прошёл впустую. Зашла на сайт Секретаря штата Нью-Йорк, заполнила регистрационную форму sole proprietorship[2], оплатила пошлину и сверилась по реестру, нет ли придуманного мной названия для кафе в списке уже имевшихся — решила сменить концепцию заведения и сделать полный апгрейд. Ещё нужно было подумать над дизайном, но что это будет салун Дикого Запада — решила точно. Получив идентификационный бизнес-номер, отправила оригинал заявления Секретарю экспресс-почтой. Оставалось открыть счёт в банке и оплатить лицензию — этим собиралась заняться с утра.

Лишь закрыв кафе и вдохнув прохладный августовский ночной воздух, поняла, что единственное чего не сделала — не нашла гостиницу. И куда сейчас идти — понятия не имела. Сотрудники уже разошлись, лишь Келли задержалась на

минутку.

— До завтра? — улыбнулась девушка.

Я уже понимала, почему Никита собирался повысить её в должности — помимо обезоруживающей искренней улыбки и непосредственности она имела профильное образование, была бесхитростна и обаятельна. Самые точные ответы и дельные советы исходили от Келли. А самое для меня важное — она не демонстрировала свое превосходство, не наблюдала, как я бьюсь в непростой для себя ситуации, а тактично и охотно подсказывала и помогала, будто невзначай подсовывала именно то, что нужно сделать вперед, отсеивала несущественное и как-то так незаметно организовала мою работу, что все решилось будто само собой. Слушала ее внимательно, хотя лекций девушка не читала. Хватало пары слов, чтобы я понимала, за что браться дальше. Мы как-то сразу научились слышать друг друга.

— Да, Келли. Спасибо за помощь. Я бы не справилась без тебя.

— Да что ты! Организационные моменты — самое простое! Все сложности возникают только с клиентами. Ну-у, у нас ещё были с проверяющими службами. Боб постоянно закатывал им банкет за счёт заведения и давал взятки.

— Келли, будь готова завтра принять дела у управляющего! — мгновенно дозрело решение, и прозвучало оно как-то слишком отчаянно.

Девушка положила мне ладошку на плечо и просто сказа-

ла:

— Хорошо, Несс. Доброй ночи.

Мне бы научиться так спокойно и без ложной скромности принимать то, чего я по своим же внутренним убеждениям достойна. Вдохнула.

Келли подошла к своему мотоциклу. Возле на своём её ждал Коннор Мур — бармен. Он весь день бросал на меня взгляды, и когда я их встречала, не тушевался. Бармен следил, чтобы у меня на столе всегда стоял свежий смузи или горячий чай. От еды я отказывалась — в горле после встречи со Стэйрой застыл ком, а организм словно встал колом, и лишь струйка жидкости могла просочиться тонкой ниткой по пищеводу. Холодные напитки с мятой и лаймом немного облегчали навязчивую тошноту, но за день во рту скопился вкус цитруса, и от него уже тоже воротило.

Я вся будто вибрировала от внутреннего напряжения. К вечеру оно толькоросло — от усталости и обилия информации раскалывалась голова, подрагивали руки и кривились в горькой гримасе губы. Мне срочно нужна была перезагрузка.

Проводив взглядом Келли и Коннора, пошла через Парк Вашингтон-сквер. Шумная компания молодых людей испугала, и я юркнула по дорожке вбок, на северную сторону, и через тридцать шагов вдоль линии браунстоунов замерла напротив одного.

Вот же он — мой дом.

Очень хотелось войти в него. Я боролась с этим желанием утром, а сейчас, когда темнота придавила город, а я не позаботилась о ночлеге, он оказался единственным местом, где я могла отдохнуть. Мне невыносимо хотелось войти, зажечь счет, включить телевизор, принять душ, сделать гамбургер...

— Нет, я же себе обещала... — прошептала и уже отвернулась, но вспомнила, как достойно приняла новую должность Келли.

Из темноты вышла та шумная компания парней и направилась в мою сторону. Я оказалась у двери в считанное мгновение, сунула ключ в замочную скважину, ввалилась в холл, захлопнула дверь и лихорадочно закрылась на замок и цепочку. Схватила за грудь, под которой от испуга бешено билось сердце. Почувствовала себя воровкой, а когда сначала на сенсорном табло сигнализации засветился красный огонёк, а потом и заверещал сигнал, чуть не выскочила на улицу. Пальцы словно заикались, не желая нажимать на нужные символы.

Первый всхлип, когда сняла дом с охраны, вырвался сам собой, я даже вздрогнула от него. Следующий последовал сразу за ним. С трудом сдерживая истерику, я буквально прокралась в гостиную, сдернула защитный пыльный чехол с дивана и легла, дрожа и сжавшись в комочек. Ощущала себя дворняжкой, забравшейся в чужой дом скоротать ночь.

Спустя неделю

Я захлопнула папку с раскладками кобблеров[3], джулепов[4] и смэшей[5] — наконец, все организационные вопросы решены, и утром кафе откроется для посетителей без всякого пафоса.

Теперь в нём царила атмосфера самого настоящего Дикого Запада: ободранные до коричневого кирпича стены украшали старые потресканные вывески, колеса от телег, простреленная доска с объявлениями о розыске ковбоев-преступников и граффити. Зонированное сложенными между двумя решетками с крупными ячейками поленьями пространство заполнили обшарпанные кожаные диваны и лавки с массивными столами, освещенные десятками разнокалиберных лампочек на ржавых цепочках — я вспомнила детскую комнату Никиты и повторила этот дизайнерский приём, как и карту Дикого Запада на полу. А вместо штор окна наполовину закрывали тематические инсталляции и кронштейн с одеждой тех времен.

Мне можно было гордиться собой — я неплохо сэкономила, и на моем счету осталась большая сумма денег, можно было бы полностью закрыть ученический кредит, но я решила пока не делать этого.

Много старых вещей мы с Келли и Коннором нашли на Фрэшкйллс-парке — мусорном полигоне в боро Статен-Айленд — и скупили буквально за один-два доллара по объявлениям в газете. Рама от мотоцикла «Harley-Davidson», конская сбруя и сёдла дополняли антураж, как и пара телег по-

среди зала, на которых я решила расположить горячие и холодные закуски — как выяснилось, моя команда поваров готовила вкусно, но медленно. Менять я их не хотела — просто не понимала, как отбирать претендентов на их место, потому пошла по пути наименьшего сопротивления: теперь они спокойно будут готовить и выносить готовое на телеги. Гостям салуна «Wild West» — новая вывеска дерзила кроваво-красным неоном — нужно просто один раз оплатить «тарелку» и есть, сколько влезет. Еда подразумевалась самая простая, потому цены на нее установила низкие, а вот на значительно расширившийся ассортимент напитков — достаточно высокие.

Я рассматривала готовый зал и волновалась. Келли принимала поставку продуктов, повара расставляли все по правилам товарного соседства, в обновлённой морозильной комнате уже висели тушки животных и рыб.

Отдала папку с раскладками коктейлей Коннору и уже собиралась забронировать билет на ближайший рейс на самолет до Вудлейка, когда в дверь кафе бесцеремонно постучали.

— Там же висит табличка, что мы закрыты? — уточнила у Коннора.

— Конечно, Несс, — подтвердил парень. — Не волнуйся, я разберусь.

Он отложил полученную от меня папку на барную стойку и пошёл к двери. На повторившийся громкий настойчивый

стук в зал вышла Келли:

— Кому-то невтерпёж, — улыбнулась и вдруг нахмурилась: — Интересно... теперь смена имиджа кафе — новость, достойная BBC News и The New York Times? О, и The Washington Post, и Daily News... — перечисляла она, подходя ближе.

У меня закружилась голова. Конечно же, не смена вывески заведения привела сюда журналистов. Готова была придумать миллион причин, какие угодно, даже самые нелепые, по которым тут появились акулы пера, но истина ворвалась в открытую барменом дверь стремительно и ударила безжалостно:

— Телекомпания Newsday! Ответьте, сколько Никита Соломат заплатил за вашу девственность?!

Россия, Москва

Сегодня утро отменили. Городом овладел полный сплин. Гроза, кромсавшая небо на лоскуты, которые куда-то быстро, как стадо овец, волком гнал сильный ветер — единственное, что освещало улицы — в десять часов темень стояла, будто и не август на дворе. Я и проснулся от грохота, свиста и стука капель по стеклу. Таких крупных, что когда новый разряд освещал жуткий, но до дрожи великолепный пейзаж, казалось, что они нанизаны на тонкие серебристые нити, и от порывов ветра их колышет и швыряет на дома, разбивая водяной хрусталь вдребезги. Я чувствовал запах невероят-

ной свежести, будто внизу расстелился ковриком не мегаполис, а Амазонская сельва. И впервые в жизни мне захотелось зажечь живой огонь и компенсировать холодное дуновение жаром и уютной, в отличие от щелчков молний, трескотнёй дров.

Я уже минут сорок стоял и любовался не на шутку разошедшейся стихией, выстраивая планы на оставшиеся до возвращения в Нью-Йорк шесть дней.

Смотрел на себя будто издалека и со стороны: башня посреди апокалипсиса как последний оплот жизни, светлый квадрат окна почти на самом верхнем этаже и маленькая фигура человека с расставленными, словно в качку на корабле, ногами и опущенными вдоль тела руками — в одной позе смирение с судьбой и упорное желание выстоять.

Да, наверное, это обо мне.

Биокамин я все-таки зажёл. Поставил рядом тарелку с кусочками горького шоколада и кешью. Устроился в длинном кресле, укрыл ноги пледом и открыл ноутбук — самое время поработать над своими проектами и полистать американскую прессу.

Вбил в Yahoo свое имя, пробежался по заголовкам, открыл и... перед глазами всё поплыло, когда на первой полосе увидел «Интервью из первых уст: как Никита Соломат девственность купил».

«И снова пикантная история в семье конгрессмена Германа Соломата. На этот раз стали известны подробности о его

погибшем сыне Никите. Из первых уст интервью по телефону с девушкой в синем, незадолго до своей смерти представленной погибшим миллиардером светской тусовке...»

Я читал исповедь Несси и отказывался верить. Всё от первого секса до взорвавшегося «Голубя». Как она берегла девственность, чтобы продать подороже, как подцепила в кафе миллиардера Никиту Соломата...

В памяти восстало всё: как она отдалась в туалете, спокойно поехала со мной, снесла моё насилие, как безоговорочно взяла и «Центурион», и документы на дом... Всё теперь стало понятно. Я просто идиот, который попался на старый, как мир, трюк меркантильной девицы.

Редко кому выпадает удача узнать истинные лица...

Дочитать не смог — меня душил горький истеричный хохот, сдавивший горло как строгий ошейник, глаза словно заволокло пеленой — я перестал видеть и не сразу понял, что это слёзы. Мне казалось, я схожу с ума — то хохочу, то плачу. Тело словно отказало — я не мог подняться с кресла, чтобы разнести всё вокруг в крошево и выключить свет.

Выключить себя. Чтобы маленькая фигурка в светлом квадрате окна погасла.

Нет больше яркого квадрата в неприступной крепости посреди бушующей стихии жизни. Есть хаос и крушение. Не было больше смысла и желания зачеркивать красными крестиками дни до возвращения в Нью-Йорк, я пометил им — неоновым и жирным — наши отношения с Несси.

[1] Перевод «Шлюха, работающая ртом ради богатства».

[2] Перевод — частный предприниматель.

[3] Кобблеры восходят, по-видимому, к началу XIX столетия. Говорят, что они получили своё название от маленьких «cobble», то есть «камешков» льда, которые входят в их рецепт.

[4] Джулепы - охлаждённые смешанные напитки, состоящие из алкогольных напитков, сиропов, соков и побегов свежей мяты.

[5] Смэши, вероятно, появились в Америке в середине XIX столетия. Как известно, рецепты смэшей с джином, бренди и виски приводятся в первом сборнике коктейлей Джерри Томаса, изданном в 1862 году. Смэши представляет собой вариацию джулепа с менее выраженным мятным вкусом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.